

ФОРУМ: КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Аннотация: В «Форуме» редколлегия предложила тем, кому приходилось работать в коллективных проектах, поделиться как положительным, так и отрицательным опытом такой работы и ответить на вопросы о причинах широкого распространения коллективных проектов, плюсах и минусах подобного способа научной работы, рассказать об опыте коллективных экспедиций и о проблемах взаимодействия в рамках одного проекта с коллегами из других дисциплин.

Ключевые слова: коллективные проекты, экспедиции, полевая работа, междисциплинарность.

Для ссылок: Форум: Коллективные проекты в социальных науках // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 11–80.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-11-80

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/forum.pdf>

FORUM: COLLABORATIVE PROJECTS IN THE SOCIAL SCIENCES

Abstract: The Editorial Board asked the authors of the “Forum” (a written round-table) who had participated in collaborative projects to answer questions such as: why has this form of academic work become widespread, what are its merits and drawbacks, and what challenges does it reveal in a multidisciplinary context. A collaborative fieldwork-based research project represents a special case as there may arise conflicts regarding methodologies, techniques, habits, ethical procedures as well as a “competition for informants”. Participants of the “Forum” share their positive and negative experiences with collaborative projects.

Keywords: collaborative projects, fieldwork, multidisciplinary.

To cite: ‘Forum: Kollektivnye proekty v sotsialnykh naukakh’ [Forum: Collaborative Projects in the Social Sciences], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 44, pp. 11–80.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-11-80

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/forum.pdf>

В форуме «Коллективные проекты в социальных науках» приняли участие:

Ольга Юрьевна Бойцова (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Александра Константиновна Касаткина
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Оксана Вячеславовна Кривенко (Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рылского НАН Украины, Киев, Украина)

Вадим Феликсович Лурье (Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия)

Андрей Борисович Мороз (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия)

Елена Всеволодовна Перехвальская (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Викторович Петров (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ / Московская высшая школа социальных и экономических наук / Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)

Мария Владимировна Станюкович (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Андрей Львович Топорков (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия)

Ольга Борисовна Христофорова (Российский государственный гуманитарный университет / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

Форум

Коллективные проекты в социальных науках

В «Форуме» редколлегия предложила тем, кому приходилось работать в коллективных проектах, поделиться как положительным, так и отрицательным опытом такой работы и ответить на вопросы о причинах широкого распространения коллективных проектов, плюсах и минусах подобного способа научной работы, рассказать об опыте коллективных экспедиций и о проблемах взаимодействия в рамках одного проекта с коллегами из других дисциплин.

Ключевые слова: коллективные проекты, экспедиции, полевая работа, междисциплинарность.

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Время ученых-одиночек прошло, и прошло, видимо, безвозвратно, причем не только в точных науках, где это случилось уже довольно давно. Если социальная антропология и полевая социология XX в. были индивидуальными предприятиями, то современный исследовательский проект в социальных науках чаще всего предполагает коллектив: руководителя и исполнителей. Формируются такие коллективы по-разному. Бывает, что серьезный ученый подбирает команду под какую-то идею, которую ему хотелось бы разработать, бывает наоборот — когда группа исследователей приглашает в руководители какого-то «статусного» ученого, считая, что его имя повысит шансы на получение финансирования (а иногда и пытаясь соблюсти формальные требования грантодателя). Работа над темой в таком коллективе тоже может идти по-разному: участники проекта могут стимулировать друг друга, создавать «синергетический» эффект, но могут и раздражать друг друга и мешать друг другу работать. Это зависит не в последнюю очередь от индивидуальных психологических качеств участников проекта, от умения работать вместе, однако может зависеть и от того, в каком количестве коллективных проектов одновременно заняты участники (распространенная сегодня прак-

тика — работать во многих проектах разом). Еще сложнее бывает сработаться специалистам из разных научных школ или даже научных дисциплин: в таких случаях немало времени уходит на выработку консенсуса. Нередко коллективный проект лишь притворяется коллективным, а на деле представляет собой механически соединенные индивидуальные проекты участников, зачастую довольно давние. Наконец, результаты коллективного проекта могут свестись просто к отчету, поданному в фонд, а могут вылиться в интересную и важную публикацию — от чего это зависит, не всегда понятно.

Особый случай — коллективный полевой проект, когда исследователи собирают материал в одном поле, т.е. круг их взаимодействий расширяется и включает еще и обитателей поля. Нужно распределять задачи, делить собеседников для интервью и места для наблюдения, координировать свои действия и слова.

Редколлегия «АФ» предложила тем, кому приходилось работать в коллективных проектах, поделиться как положительным, так и отрицательным опытом такой работы и ответить на следующие вопросы:

- 1 *Распространение коллективных проектов в социальных науках — следствие засилья «академического капитализма»¹, переструктурирования научных проблем или чего-то другого?*
- 2 *Каковы, с вашей точки зрения, положительные и отрицательные черты коллективных проектов для руководителя и для исполнителя?*
- 3 *Приходилось ли вам работать в одном проекте с коллегами из других дисциплин или других научных школ? В случае расхождения теоретических подходов, как вы согласовывали финальный результат проекта?*
- 4 *Расскажите о вашем опыте коллективной работы в поле. Насколько продуктивна ситуация, когда несколько исследователей отправляются в одно поле? Как разрешать противоречия в методах, подходах, привычках, представлениях об этике? Как избежать «конкуренции за информантов»?*
- 5 *Какими платформами и программными продуктами вам приходилось пользоваться для совместной работы, в чем их плюсы и минусы?*

¹ Об «академическом капитализме» см.: <<https://www.edsurge.com/news/2019-11-25-academic-capitalism-is-reshaping-faculty-life-what-does-that-mean?>>.

АЛЕКСАНДРА КАСАТКИНА

1

Коллективная исследовательская работа — едва ли такое уж новое явление для социальных наук. От старших коллег-этнографов я постоянно слышу полевые байки из советских коллективных экспедиций. К. Гирц вел свою полевую работу на Яве в рамках коллективного мультидисциплинарного проекта — одного из многочисленных подобных проектов факультета социальных отношений Гарварда 1950-х. Характерно, впрочем, что в его книгах и статьях это незаметно: коллеги старались не пересекаться. «Мы узнали друг друга достаточно хорошо, чтобы не пытаться связать наши индивидуальные исследования во что-то единое, как первоначально задумывали инициаторы проекта, а быть “командой” лишь в самом широком и коллегиальном смысле слова», — вспоминал Гирц позднее [Geertz 1995: 104]. Ту же модель Гирц перенес на марокканский проект, который возглавил десяток лет спустя: коллектив исследователей разных специализаций за короткий период «покрывает» выбранную территорию полностью географически и тематически, но и полевая работа, и исследовательские тексты остаются индивидуальным предприятием. «Одновременное десантирование в одно поле нескольких человек было противопоказано как по практическим, так и по интеллектуальным соображениям» [Geertz 1995: 118].

Александра Константиновна Касаткина

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
kasatkina@kunstkamera.ru

Думая о новизне нынешней ситуации, можно указать на два момента. Один характерен, кажется, только для России: все сложнее получить значительный индивидуальный грант на исследование. Кажется, все чаще государственные фонды (или уже только один фонд?) предпочитают поддерживать большие коллективы, возглавляемые именитыми учеными. Большие деньги — большие ожидания. Любопытно, что НИРы институтов РАН еще и раньше (но, кажется, все же не так давно) начали воображаться как коллективные проекты, которые должны именно «связываться во что-то единое». Могу себе представить титанические усилия руководителей НИР, вынужденных составлять связанные отчеты из разношерстных исследований сотрудников, которые всю жизнь разрабатывают свои темы в одиночку, привыкли сами решать, чем им заниматься в текущем году, и именно этим и занимаются в рамках НИР в уверенности, что, как и раньше, получают за это ежемесячную зарплату, а вовсе не целевое грантовое финансирование. Второй момент связан с технологическим развитием и имеет глобальное значение: многие гуманитарные проекты (при поощрении грантовых программ) стремятся освоить цифровые медиа — создавать электронные архивы, онлайн-платформы, исследовательские инструменты. Здесь не обойтись без сотрудничества с программистами. Особенно если речь идет не о приспособлении готовых форм под свои нужды, а о создании чего-то совсем нового.

Идеальный вариант, когда эти программисты — творческие люди или тоже исследователи, которые решают в таком проекте свои задачи. Они могут даже финансирование сами искать и получать — на «технарские» нужды его дают больше и охотнее. Пример такого сотрудничества — замечательный архив дневников «Прожито». Именно в таком режиме М.В. Станюкович (при моем очень скромном участии) начала разрабатывать электронный архив своих филиппинских экспедиций вместе с командой А. Чечулина из СПИИ РАН. А вот если программист занудно требует, чтобы ему как можно подробнее расписали техническое задание, а получив таковое, сообщает, что оно написано непонятно, это дурной знак. Скорее всего, вам попался ремесленник, который хочет только получить свои деньги. Действительно, писать технические задания для программистов — отдельное умение, которым исследователи-гуманитарии обычно не владеют и, думается, вовсе не должны владеть. Так же как и платить гонорары уровня зарплат в Google за реализацию своих идей. Цифровые гуманитарные проекты требуют постоянного заинтересованного диалога между антропологом / историком / фольклористом и программистами, ведь первые не знают, какими возможностями располагают вторые, а вторые

не представляют потребности первых. Такой диалог способен обогатить обе стороны и дать уникальный результат (еще примеры продуктивного сотрудничества: архив устной истории остарбайтеров «Та сторона», подготовленный «Мемориалом», или творческий проект с исследовательской составляющей «Из жизни планет» О. Нестерова, где архивные сценарии неснятых фильмов необыкновенно атмосферно упакованы в формат веб-дока). Из успешных диалогов такого рода, а также из экспериментов гуманитариев, овладевших цифровой грамотой, растет новая дисциплина — digital humanities (название которой часто переводится как «цифровая гуманитаристика», но хочется вспомнить замечательное изобретение А. Куприянова — «цифровая гуманиора»).

2

3

4

Размышлять о преимуществах и недостатках коллективных проектов я буду на собственном опыте, а значит, только с позиции исполнителя, ибо руководителем мне быть не доводилось. Именно коллективные научные проекты сформировали меня как исследователя. Моя диссертация предполагала работу в «ближнем» поле, с петербургскими дачниками, а хотелось попробовать «настоящей» полевой этнографии. Поэтому на втором курсе магистратуры ЕУ я попросилась в очередную экспедицию центра «Иудаика» по еврейским местечкам Украины. Большая команда исследователей и студентов из разных городов, разных специальностей и интересов ездила по городам и весям и собирала еврейскую (а впрочем, не только) этнографию и фольклор. Это была замечательная полевая школа, где можно было собирать собственный материал или прибиться к кому-нибудь из старших и набираться опыта. Позднее мне повезло поучиться полевой работе и в Юго-Восточной Азии — в коллективной экспедиции М.В. Станюкович на Филиппинах. Там я могла сравнивать тактики полевой работы фольклориста-этнографа и полевых лингвистов. Кроме того, иноязычное поле ставит ряд специфических проблем: как собирать фольклорные и этнографические материалы у носителей языка, которого исследователь не знает или знает очень плохо? Говорить ли с информантами на общем языке, не родном ни для кого? Нанимать ли переводчика и как работать с его посредничеством? И многое другое. Мария Владимировна пишет об этих проблемах и делится своими рецептами, наработанными самостоятельно за многие годы филиппинского поля [Станюкович 2016]. Но совсем другое дело — видеть решения и учиться в поле, делать собственный выбор и смотреть на последствия на практике. Думается, полевые школы-экспедиции с участием студентов и молодых исследователей заслуживают специальной грантовой поддержки.

Если экспедиции «Иудаики» и на Филиппины остались для меня в основном только полевой практикой, то в Обнинском про-

екте я прошла через все фазы исследовательского цикла (кроме, может быть, планирования), от сбора материала до отчетов и публикаций. Тому, кто, подобно мне в те годы, застрял между законченной аспирантурой и незащищенной диссертацией, нелегко найти финансирование, чтобы продолжать заниматься наукой. Многие индивидуальные гранты, не предполагающие степени, можно получить, только будучи аспирантом. Коллективное исследование — хорошая возможность, но молодому исследователю не так просто туда попасть без нужных знакомств (часто ли можно встретить открытые объявления о наборе в проект? Часто ли такие объявления делаются не под конкретных уже известных людей?). Мне повезло: на зимней школе по академическому письму, куда я подала заявку в отчаянных поисках поддержки в работе над диссертацией, я познакомилась с Галиной Орловой, которая (совершенно неожиданно) позвала меня в Обнинский проект. В этом проекте мне пришлось на несколько лет оставить диссертацию, но именно опыт, который я там получила, помог мне не только сформулировать цель своего исследования и довести его до защиты, но и почувствовать себя профессиональным исследователем. Я говорю не только о навыках сбора, обработки и анализа полевого материала, но и об опыте сотрудничества, общения с коллегами и выполнения разных задач, в том числе координационных, когда в команде появились студенты. Все это сформировало мои представления о том, как заниматься исследовательской работой.

В жизни Обнинского проекта были две большие фазы (подробнее о проекте: [Орлова 2016]). На первой с ним была ассоциирована большая группа исследователей из разных гуманитарных дисциплин, из них только несколько человек ездили в Обнинск и брали там интервью. Остальные приходили на семинары и конференции, заглядывали в дискуссии на электронной платформе, пользовались собранным материалом для своих исследований, так или иначе связанных с тематикой проекта — историей и антропологией советской науки и техники. По итогам этого этапа была проведена конференция, планировалась коллективная монография. Участники подобрались высочайшего уровня. Дискуссии на семинарах и онлайн превращались в интеллектуальный пир. Такого заинтересованного и насыщенного обсуждения, как на той итоговой конференции 2013 г., я не встречала пока, пожалуй, больше нигде. Я на тот момент занимала скромную позицию полевого интервьюера, ведущего периферийное для проекта исследование обнинских дач, но чувствовала, что (нежданно-негаданно) попала в «высшую лигу». Этот опыт задал для меня планку исследовательского профессионализма, которая сохраняется до сих пор.

На новой фазе проект ушел в сторону digital humanities, мы начали работать над электронной базой собранных полевых материалов. В это время большую часть участников составили студенты, для которых эта работа стала частью исследовательской практики или подработкой на время учебы. Студенты выполнили множество технических задач: сканирование архива городской газеты, обработка фотографий, переснятых из домашних архивов, расшифровка интервью. При этом регулярные семинары и обсуждения на электронном форуме проекта побуждали их выходить за пределы механической работы и заниматься анализом и содержанием тех источников, с которыми они работали, и тех действий по цифровому преобразованию источника, которые они совершали. По результатам студенты писали части общего многостраничного отчета по проекту. Не знаю, что они сами обо всем этом думали, но мне частенько хотелось оказаться на их месте — еще в бакалавриате получить опыт настоящего исследования бок о бок с профессионалами. Коллективный проект с задачами разного уровня сложности — отличная школа для начинающего исследователя. Тут и опыт координации усилий и постановки задач, и ощущение вклада в общее дело, и возможность применения знаний на практике, постепенного роста и перехода на новые уровни. В Обнинском цифровом проекте нашлось место не только студентам-гуманитариям, но и программистам, дизайнерам, архитекторам (мы картировали архитектурную историю города). Для «взрослых» исследователей студенты — это возможность быстро решить большие задачи, например обработать крупные массивы материала. Хотя, конечно, студенты — это не наемные работники, здесь требуется творческий и гибкий подход, нужно постоянно думать не только о том, как выполнить задачи проекта, но и о том, чтобы молодым участникам было интересно, чтобы они видели перспективы для себя. Зато в результате могут вырасти профессиональные заинтересованные коллеги, а это, пожалуй, одно из самых стоящих вложений усилий в науку.

При этом мой опыт в коллективных проектах не был совсем безоблачным. Сотрудничество, распределение и координация усилий, подгонка задач, потребностей и индивидуальных стилей работы, понимание и отстаивание своих прав — все это навыки, которым приходилось обучаться на ходу, иногда через боль и ошибки. Не раз хотелось все бросить. И не могу сказать, что сейчас я освоила науку работать сообща. Возможно, самые досадные и неожиданные проблемы были связаны с распределением задач и ресурсов. Исследование — живая материя, всего не предскажешь. Сваливаются новые задачи, люди уходят, многое меняется... Поначалу в большом проекте мне хотелось попробовать себя во всем, а это значит — и самой распыляться,

и другим мешать. Теперь стараюсь с самого начала четко определять свой круг задач и не выходить за его пределы.

Далее, неслучайно Гирц так много говорит о необходимости разделять: о том, что не нужно пытаться подгонять индивидуальные исследования под общую гребенку, что не надо запускать одновременно несколько исследователей в одно поле. Он не раскрывает подробностей своего опыта сотрудничества, но похоже, что разделение — это техника безопасности, которая нередко используется в гуманитарных коллективных проектах. Довольно часто «коллективный проект» означает, что люди работают над близкой проблематикой, но в разных полях и пишут разные главы для, скажем, одного сборника или коллективной монографии и встречаются только на рабочих семинарах в каком-нибудь приятном месте. Действительно, сложившимся сильным амбициозным исследователям бывает трудно подчинить свои замыслы и рабочие привычки общим задачам и общей тактике работы, поделиться своими еще сырыми идеями, позволить другим вторгнуться в ход своих размышлений, особенно если они (как все мы) привыкли работать в одиночку. В поле это может вылиться в конкуренцию и битвы за информантов и информацию. В Обнинском проекте случалось, что в поле работали одновременно или с небольшими перерывами несколько исследователей. У каждого при этом были свои научные интересы, которые так или иначе перекрывались общей задачей проекта — сбором биографических интервью с бывшими или нынешними сотрудниками городских научных институтов и производств. Схема была выработана такая: предполагалось, что каждый сначала будет работать по общему биографическому гайду проекта, а потом — по своей более узкой теме. У проекта был общий список потенциальных собеседников, предложенный институтами в ответ на официальный запрос. Но постепенно у каждого набирались собственные списки информантов, связанных с его темой, с отдельными собеседниками устанавливались более теплые и продолжительные отношения, так что все равно все расходилось по своим трекам. В рамках списка бывали единичные случаи конкуренции, но я всегда уступала, потому что считала свое исследование скорее побочной ветвью для проекта и вообще занимала позицию стажера. Так или иначе, в итоге и мой поиск собеседников, связанных с обнинскими дачами, принес несколько ключевых фигур, ценных для проекта в целом.

На Филиппинах мы работали в поле одновременно, но наши разные специализации, этнография и лингвистика, органично задавали разные направления поиска информантов. Мои коллеги-лингвисты искали носителей местных (многочисленных) языков в определенных сочетаниях и разных поколений.

М.В. Станюкович работала с исполнителями эпоса. У меня с собой были копии фотографий Р.Ф. Бартона, сделанных в этих краях в конце 1930-х гг., и я говорила с людьми, которые могли помнить то время. (Здесь тоже нужно отметить преимущество работы в экспедиции во главе с опытным полевиком в удаленном и сложном поле: конечно, все наши полевые встречи устраивала Мария Владимировна или ее старые друзья в Ифугао, без нее вхождение в это поле заняло бы у нас очень много времени.) Разницу в наших методах и подходах к полевой работе я замечала, когда вечерами мы обсуждали собранное за день. Лингвистам, кажется, не так важно установить теплые отношения с собеседником. Для них он — в большей степени источник массового материала, анкеты, чем носитель уникальных воспоминаний и индивидуального варианта культуры. Лингвисты чаще, чем социальные антропологи, платят информантам за работу, ведь заполнять анкеты и переводить бесконечные модельные предложения — это скучно и нудно. Задачи антрополога не так легко уместаются в список вопросов или фраз на перевод и подчас требуют длительных взаимодействий, но зато у него больше возможностей увлечь собеседника своими поисками, превратить его в заинтересованного соучастника. После лингвиста антропологу может быть сложнее прийти в поле — теперь платы будут ожидать и от него.

Дисциплинарные различия между социальной антропологией и историей стали заметны, когда мы писали совместную статью с коллегами по Обнинскому проекту Зинаидой Васильевой (антрополог) и Романом Хандожко (историк). Выяснилось, что мы и работаем в поле, и пишем тексты по-разному. Антропологи любят видеть большое в мелочах и всматриваться в текущие процессы, будь то становление отношений в поле или работа над текстом статьи. Историки сосредоточены на тех событиях и явлениях прошлого, к которым они задают свои вопросы, и речь собеседника для них — скорее еще один источник, возможность доступа к этому прошлому. Счастье, когда собеседник оказывается так же увлечен историей, как и исследователь! Мы воспользовались тем же рецептом: разделять, давать каждому свой трек. Это нашло отражение в структуре текста: небольшое общее введение, три авторских описания полевых кейсов и небольшое заключение [Kasatkina, Vasilyeva, Khandozhko 2018]. И даже эти небольшие общие кусочки писать было нелегко и поучительно. Например, я поняла, что иногда понять текст, написанный другим, получается, только полностью переписав те же мысли своими словами.

Последняя сложность, на которой мне кажется важным остановиться, это этика и ответственность. Собирая материал для диссертации, я привыкла сама нести ответственность за его

дальнейшую судьбу перед своими собеседниками. Я честно говорила, что записи наших интервью не пойдут никуда дальше моего личного архива, а все цитаты будут анонимны. В Обнинском проекте мы предлагали нашим собеседникам подписать информированное согласие на передачу права на использование записи и расшифровки интервью в научно-исследовательских целях организации, на базе которой разворачивался проект. По сути, информация в этом документе — это все, что мы могли с уверенностью сказать людям о судьбе их интервью. В какой-то момент я осознала, что когда интервью уже передано в общий архив (т.е. загружено на общий сетевой диск проекта), мои возможности контролировать происходящее с ним становятся крайне ограниченными. Ведь оно теперь принадлежит проекту и организации (т.е. в какой-то момент окажется в распоряжении людей, с которыми я совершенно незнакома, и я даже не буду знать о том, куда его передали и для чего цитировали). Это понимание оказалось на удивление непростым и болезненным. Очень сложно, почти невозможно, оказалось примирить личный контакт с человеком в поле и необходимость передать полученные у него материалы организации. В действительности дело, конечно, не в коллективном проекте. Исследователь, который получает финансирование от организации, где работает, или от фонда, так или иначе должен передавать собранные на эти деньги материалы в архив, чтобы они были доступны. Сейчас фонды начинают требовать у антропологов и социологов включить архивацию полевых материалов в план и бюджет, а для их приема во многих странах создаются электронные архивы качественных данных. Но пока эта тенденция встречает мощный протест среди западных исследователей ([Zeitlyn 2012]; обзор дискуссии: [Касаткина 2016]). В коллективном проекте, где действует условие передачи материалов в архив, полевик лишь острее ощущает, что является только посредником и оператором по сбору данных. Меня это чувство побудило внимательнее отнестись к тексту информированного согласия, которое обычно считается пустой формальностью, заполняемой в угоду комиссиям по этике и университетским корпорациям. Между тем, эта бумага, вероятно, может стать вполне рабочим регулятором отношений между информантом, исследователем и организацией.

5

Рефлексия об организации и инфраструктуре сотрудничества в гуманитарных проектах появилась уже в 1990-е гг., когда возможности цифровых технологий были еще достаточно скромными. В 1995 г. в “*American Anthropologist*” была опубликована дискуссия об идущем повороте к сотрудничеству (прежде всего с информантами в поле), который связывали с ростом феминистского движения в науке, деколонизацией и развитием интерпре-

тативной антропологии и экспериментальных форм письма, в том числе диалогического. Авторы пишут и о сложностях соавторства, и Э. Кеннеди отмечает, что появление компьютера значительно облегчило совместное письмо и в то же время ввело строгую иерархию: теперь одна писала, а другая редактировала [Kennedy 1995]. Дискуссия приходит к выводу, что сотрудничество в исследовании — это специальный навык, которому нужно обучать. Годом позже социологи-качественники, осмысливая свой опыт коллективных исследований образования, предложили смотреть на групповую работу, ее динамику и множественность как на нормальное состояние с большим потенциалом, а не как на хаос, который нужно как можно скорее привести к общему знаменателю и стабилизировать [Wasser, Bresler 1996].

Цифровая инфраструктура расширяет возможности сохранения полифонии, множественности позиций, теоретически при помощи мультимедиа и гиперссылок можно создавать многомерные нелинейные формы представления результатов исследований. Успешные примеры, однако, пока сложно назвать, хотя эксперименты в области, скажем, коллаборативного письма продолжают. Излюбленной бесплатной платформой для совместной работы уже несколько лет, несмотря на множество неудобств, остаются Google Docs и Google Sheets (или их аналог на Microsoft, который работает, кажется, по тому же принципу). В «гуглдоках» легко и непредсказуемо теряются данные, таблицы крайне неудобны для текстового заполнения, одним движением можно удалить содержимое ячейки и даже этого не заметить, мелкие шрифты создают очень сильное напряжение для глаз.

Рефлексия об устройстве и эффектах цифровой инфраструктуры в коллективном проекте только начинается. Можно упомянуть недавнюю публикацию российских исследователей (кстати, тоже в области образования), где они анализируют свой опыт ведения коллективного электронного дневника в ходе этнографического исследования в московской школе [Safronov et al. 2020]. В Обнинском проекте в начале и середине 2010-х гг. мы тоже документировали наше исследование на электронной платформе Basecamp, причем писали туда не только полевые заметки, но и мысли, возникавшие по ходу работы с источниками, выкладывали литературу, имевшую отношение к проекту. В ветках этого форума разворачивались подчас очень важные обсуждения, из которых вырастали статьи, но пока что ни одна — в соавторстве. Однако еще одна важная черта интернет-платформ — их автоматическая самоархивация. Электронный полевой архив Обнинского проекта еще ждет своих исследователей. Главное, чтобы коммерческая платформа Basecamp как-нибудь случайно его не уничтожила. Зависимость от ком-

мерческих платформ, отсутствие бесплатных или недорогих удобных технологий для совместной исследовательской работы — проблема для современных гуманитарных коллективных проектов.

Библиография

- Касаткина А.К.* На пути к открытым качественным данным // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. № 7. <<https://history.jes.su/s207987840001678-4-1>>. doi: 10.18254/S0001678-4-1.
- Орлова Г.А.* Собирая проект. От составителя раздела // Шаги/Steps. 2016. Т. 2. № 1. С. 154–166.
- Станюкович М.В.* Полевые методы в экспедициях на Филиппины: общий язык и как с ним бороться // Архипова А.С., Неклюдов С.Ю., Николаев Д.С., Рычкова Н.Н. (сост.). Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX — начало XXI века): Мат-лы XVI Междунар. школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии. М.: РГГУ, 2016. С. 71–73.
- Geertz C.* After the Fact: Two Countries, Four Decades, One Anthropologist. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 198 p.
- Kasatkina A., Vasilyeva Z., Khandozhko R.* Thrown into Collaboration // Estallega A., Criado T.S. (eds.). Experimental Collaborations: Ethnography through Fieldwork Devices. N.Y.; Oxford: Berghahn, 2018. P. 132–153.
- Kennedy E.* In Pursuit of Connection: Reflections on Collaborative Work // American Anthropologist. 1995. Vol. 97. No. 1. P. 26–33.
- Safronov P., Bochaver A., Nisskaya A., Koroleva D.* Together Apart: Field Notes as Artefacts of Collaborative Ethnography // Ethnography and Education. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 109–121. doi: 10.1080/17457823.2019.1600154.
- Wasser J.D., Bresler L.* Working in the Interpretive Zone: Conceptualizing Collaboration in Qualitative Research Teams // Educational Researcher. 1996. Vol. 25. No. 5. P. 5–15.
- Zeitlyn D.* Anthropology in and of the Archives: Possible Futures and Contingent Pasts. Archives as Anthropological Surrogates // Annual Review of Anthropology. 2012. Vol. 41. P. 461–480.

ОКСАНА КРИВЕНКО

Оксана Вячеславовна Кривенко
Институт искусствоведения,
фольклористики и этнологии
им. М. Рильского НАН Украины,
Киев, Украина
oksamytova_folk@mail.ua

Один в поле не воин, а путник: о коллективных проектах в социальных науках

По моему скромному мнению, уже в самом названии «социальные науки» заложена необходимость коллективной работы над

исследованиями, поскольку обозначенные науки изучают аспекты бытия человека в его общественной деятельности, т.е. в неразрывной связи с социумом. При этом для исследования взаимодействия человека с другими членами социума коллектив исследователей должен находиться в синергии, в некотором смысле воссоздавая тот самый социум.

Не зря одни и те же термины и понятия встречаются в различных научных дисциплинах, имея в каждой из них свое толкование. Ведь это не значит, что какое-то из общепринятых узкоспециализированных научных толкований более правильное, чем все остальные. Просто каждое из них отражает свою сторону (видимую для них сквозь призму определенной научной парадигмы) того или иного понятия. Человеческий мозг аналитичен и потому склонен к синестезии (так заложено природой для выживания *Homo sapiens*), поэтому нерационально разделять эти стороны в реальных фундаментальных и прикладных исследованиях. Разделять их имеет смысл разве что для теоретической подготовки узких научных специалистов, чтобы они впоследствии могли качественно взаимодействовать с исследователями других научных направлений. Такой комплексный подход к научным исследованиям на данный момент реализуется лишь на уровне некоторых грантов. В высших учебных заведениях хоть и упоминается актуальность междисциплинарных (мультидисциплинарных) исследований, на деле это практически никак не реализовано.

Так, кандидатская диссертация, посвященная исследованию интерпретации фольклорного жанра заговора в авторской литературе [Кривенко 2015], долго не могла найти подходящий для защиты совет, ибо вместо рекомендации к защите данную работу отправляли то в диссертационный совет по фольклористике (поскольку объектом являлся фольклорный жанр), то в диссертационный совет по литературоведению (поскольку фактическим материалом исследования были литературные произведения). В то же время автору данного исследования хотелось бы не только не определяться с выбором одного из обозначенных диссертационных советов, но и привлечь к исследованию как минимум еще и этнологов. Однако ввиду общепринятой практики монодисциплинарных исследований автору все-таки пришлось делать выбор и втайне лелеять надежды на комплексное интердисциплинарное исследование избранного фольклорного жанра как источника для воссоздания национальных особенностей мировоззрения посредством вербальной культуры и в то же время как объекта литературной рецепции. А пока каждый узкоспециализированный исследователь изучает один и тот же объект со своей стороны.

Ярким примером являются диссертации по фольклористике. Так, в работе В.Г. Антонюк «Заговоры в языково-интонационной системе украинской народной поэзии и бытовом применении» [Антонюк 1995] по фольклористике сделан акцент на музыкальной природе магических текстов и соотношении ее с украинским устнопоэтическим творчеством. Большое внимание уделено различным аспектам бытования заговоров, что уже является частью этнологии. В работе О.Д. Павлова «Заговор как вербальная магия» [Павлов 1999] проанализированы заговоры как архаичные сакральные тексты, которые считаются проявлением первобытного мистицизма, лежащего в основе психической деятельности древнего и современного человека, т.е. исследование сконцентрировано вокруг мировоззренческой прагматики заговора как фольклорного жанра. В диссертации О.А. Соляр «Украинские народные заговоры: вопрос происхождения и поэтики» [Соляр 2005] сделана попытка системного исследования содержания, поэтики и структуры украинских заговоров. При этом использованы достижения смежных по отношению к фольклористике наук, в частности современных антропологических исследований, в рамках которых изучались принципы так называемого *магического мышления*. Автором обнаружены и описаны многочисленные образы космогонического мифа, сохранившиеся в содержании и структуре заговоров. Кроме того, разработана классификация обряда заговаривания в словесной и предметной плоскостях ритуала. И насколько интереснее, глубже было бы данное исследование, если бы в нем участвовали в качестве соавторов специалисты по этим самым смежным по отношению к фольклористике дисциплинам.

В языковедческой диссертации О.А. Остроушко «Семантико-синтаксическая структура текстов украинских заговоров» [Остроушко 2002] определено, что заговорный текст является сложным семантическим, структурированным по определенным образцам и правилам *языковым* образованием, которое характеризуется информативностью, связностью, целостностью, относительной завершенностью и направлено на выполнение определенного коммуникативного задания. Дальнейший анализ текстов данного фольклорного жанра проведен также с позиции языкознания. В частности, заговоры тут выступают материалом для исследования реализации сакральной (магической) функции языка (речи). В статье «Украинские заговоры-диалоги: структура, семантика, функционирование» О.А. Остроушко объясняет соответствующие особенности данных текстов прагматикой и магической функцией, заостряя внимание на том, что заговоры-диалоги ярко отображают психологические особенности говорящих, отмечая, что «влияние мировоззренческого

фактора выявляется не только на семантическом уровне, но также на уровне структуры и функционирования заговоров» [Остроушко 2008: 52], т.е. автор рассматривает мировоззренческий код украинских заговоров-диалогов, который определяет семантические, структурные и функциональные лингвистические особенности данных текстов. В работе О.Е. Хомик «Украинский вербальный оберег: семантика и структура» [Хомик 2005] с языковедческой точки зрения комплексно охарактеризованы структура и семантика украинских вербальных оберегов, выявлены структурно-семантические типы, определены особенности *обереговой лексики*, специфика ее мотивации и семантические модели. Выявлены строение и функционально-семантическая значимость *обереговых текстов*, исследованы их *грамматические* типы, прослежена связь с древними верованиями украинского народа. В то же время рассмотрены тематические группы обереговых заговоров, проанализировано отражение мифопоэтической модели мира в украинских обереговых заговорах, исследованы композиционное строение обереговых текстов и основные выразительные средства. Проанализированы связь вербальных оберегов с предметными и акциональными оберегами, а также структурно-семантические видоизменения вербальных оберегов.

В этнологической диссертации И.В. Колодюк «Народная медицина в традиционной культуре украинцев Полесья (последняя четверть XX — начало XXI века)» [Колодюк 2005] с исторической точки зрения освещены вопросы развития народной медицины украинцев Полесья, которая занимает одно из главных мест в системе их этнокультуры, поскольку определяет социально-гигиенические нормы, бытовую культуру, психологические установки в общении. Проанализированы современное состояние и региональная специфика народной медицины Полесья на основе материалов этнографических экспедиций и письменных источников. Рассмотрены особенности некоторых способов и методов профилактики и лечения болезней, мировоззренческих представлений о недомоганиях и их причинах. Отмечено влияние на народную медицину региона научной медицины, ее зависимость от уровня социально-экономического и исторического развития общества. Заговорам в системе духовной культуры Полесья посвящен отдельный раздел. В частности, сделан акцент на том, что «заговоры являются важным элементом психотерапевтических народных методик, предусматривающих лечение словом» [Колодюк 2005: 173]. Здесь же размещена короткая историография изучения заговорных текстов в Украине, России и Беларуси (что обусловлено региональной спецификой исследования народной медицины Полесья), а также обозначена проблема «опасности

вторичной фольклоризации текстов» [Колодюк 2005: 174]. Текстологический анализ осуществлен согласно наиболее объективной и современной, по мнению автора диссертации, методике, предложенной российскими исследователями в работе «Полесские заговоры». В ее основу положена концепция культурно-антропологической классификации по функциональному назначению, что предполагает исследование образов и ключевых слов без углубления в реконструкцию и происхождение [Колодюк 2005: 176]. А.И. Темченко в своей работе «Украинские лечебные заговоры: вербально-акциональные универсалии, символика и семантика» [Темченко 2003] исследовал мифоритуальную направленность одной из тематических групп украинских заговоров, универсальность их как своеобразных культурных кодов, проявляющихся в формальном и содержательном планах. Исследователь предложил новую общую концепцию изучения символики фольклорных текстов, которая базируется на *комплексном применении научных методов*. При этом исследование материала велось в двух направлениях: изучение внутренней семантики обрядов сопровождения заговоров во взаимосвязи с формообразующими элементами и выяснение роли и места мотива мифопоэтических образов в процессе словесного «магического» лечения. То есть работа получилась также в некотором смысле на стыке с филологией.

Как видим, все обозначенные исследования являются по сути междисциплинарными, однако формально выполнены в рамках определенной научной специализации. Возможно, если бы эти исследования выполнялись коллективно, были бы получены более значимые и даже впечатляющие результаты.

Прикладная лингвистика как научное направление позволяет осуществлять мультилингвальные проекты, т.е. практически по умолчанию коллективные. Несмотря на то что специалист по прикладной лингвистике и так сочетает в себе филолога и программиста, для качественного билингвального исследования (к примеру, переводного словаря) потребуется как минимум еще один филолог. Когда речь идет об экспериментальных и инновационных прикладных лингвистических проектах, рационально было бы создать группу (как для социологических исследований), состоящую, например, из филологов-русоведов из разных научных организаций и учреждений с привлечением нескольких филологов-украиноведов и программистов. Дать им одно и то же задание. Сверить результаты. Путем консенсуса (в идеале) вывести один общий результат. Тогда есть возможность сделать по-настоящему качественный продукт. А поскольку наука — это тоже своего рода маркетинг (ориентирована на прикладные и потенциально монетизируемые результаты), то в таком подходе в конечном счете заинтере-

сованы и грантодатель, и потребитель, и научное сообщество в целом.

1

Об «академическом капитализме» стали говорить лишь недавно, но ведь на самом деле знания уже давно являются важной составляющей экономического развития отдельных стран, регионов и мира в целом. Только вот сначала обществом были материально очень высоко оценены знания гениев-самоучек вроде Стива Джобса, Марка Цукерберга и прочих создателей востребованных реалий современности, а потом уже и академическая наука задалась вопросом необходимости существования науки ради науки (как вещи в себе). Однако поскольку воспитать гения с нестандартными взглядами на действительность, с продуктивным прикладным мышлением практически невозможно (если такой где-то появляется, то скорее не благодаря целенаправленному научению, а вопреки ему), единственной реальной возможностью создания востребованных и монетизируемых проектов оказываются коллективные научные исследования (по принципу «одна голова хорошо, а две лучше»). Таким образом, распространение коллективных проектов в социальных науках видится следствием переориентации научных проблем «наружу» (из науки в реальную жизнь). И это выглядит оптимистично.

2

Главной положительной чертой коллективных проектов, безусловно, является разностороннее изучение объекта, максимально полное и всеобъемлющее. К первоочередным отрицательным чертам отнесем необходимость координации нескольких исполнителей для каждой отдельной сферы исследования, которым, в свою очередь, тоже может быть сложно подстроиться под требования руководителя(-ей) другой научной специализации. Руководителю же также необходимо быть достаточно компетентным, чтобы брать на себя ответственность за такое исследование.

3

Мне приходилось работать в качестве приглашенного эксперта по украинскому языку со специалистами по прикладной лингвистике на базе русского языка. У меня была четкая задача, которую я выполняла по своей специальности. Нас (приглашенных экспертов по украинскому языку) было несколько, но выполняли мы одну задачу. Разногласия, которые возникали, обсуждались, в итоге был найден компромисс. Работу в данном проекте считаю успешной и очень увлекательной. С удовольствием повторила бы этот опыт.

4

Не приходилось, к сожалению, работать в поле со специалистами из других сфер деятельности, но очень хотелось бы посотрудничать в таком формате с этнологами, фольклористами-славистами, психологами, биологами, археологами и другими

специалистами, так как я уверена, что именно в таких исследованиях рождаются интересные и значимые результаты в рамках большого мультидисциплинарного культурологического проекта. Уверена, что всегда можно достичь консенсуса путем обсуждения. А если противоречия непримиримы, то всегда можно подать два варианта, две точки зрения, ведь если у этих мнений нашлись столь ярые приверженцы, значит, возможно, в науке действительно существует такая проблема, на которую стоит обратить внимание.

5

На мой взгляд, не хватает таких открытых платформ с концепцией «Антропологического форума», где можно было бы обсудить научные вопросы, проблемы, гипотезы и проекты специалистам из различных областей знаний онлайн, без оформления статей, аннотаций и библиографий, т.е. в формате живого общения, а также, возможно, найти себе «спутника» для какого-нибудь интересного проекта.

Для работы в исследовательском проекте по прикладной лингвистике мне приходилось работать с уникальными (специально разработанными под конкретную задачу) программными продуктами. Сложности возникали ввиду отсутствия разъяснений и инструкций (вроде этой: [Сичинава 2005]) где-либо, кроме как у создателей данных продуктов, что иногда усложняло работу, поскольку вопросов в начале работы возникало достаточно много, а задавать их слишком часто не позволяло простое человеческое смущение. Кроме того, данные продукты имели ряд особых технических требований, что вызывало нестыковки в работе с установленным на имеющемся в моем распоряжении персональном компьютере программным обеспечением. Это вызывало некоторые неудобства, однако таковы рабочие моменты, которые легко решаемы, если их не бояться.

Бібліографія

- Антонюк В.Г.* Замовляння в мовноінтонаційній системі української народної поезії та побутовому вжитку: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1995. 20 с.
- Колодюк І.В.* Народна медицина у традиційній культурі українців Полісся (остання чверть ХХ — початок ХХІ століття): Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Київ, 2005. 20 с.
- Кривенко О.В.* Замовляння як фольклорний жанр та особливості його літературної рецепції: Дис. ... канд. філол. наук / Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського. Київ, 2015. 193 с.
- Остроушко О.А.* Семантико-синтаксична структура текстів українських замовлянь: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2002. 20 с.

- Остроушко О.А.* Українські замовляння-діалоги: структура, семантика, функціонування // Філологічні студії: Науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету: зб. наук. праць. Кривий Ріг: Видавничий дім, 2008. Вип. 2. С. 54–59.
- Павлов О.Д.* Замовляння як вербальна магія: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1999. 20 с.
- Сичинава Д.В.* Обработка текстов с грамматической разметкой: инструкция разметчика // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 136–154.
- Соляр О.А.* Українські народні замовляння: питання походження і поетики: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Львів, 2005. 20 с.
- Темченко А.І.* Українські лікувальні замовляння: вербально-акціональні універсалії, символіка та семантика: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2003. 20 с.
- Хомік О.Є.* Український вербальний оберэг: семантика і структура: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2005. 20 с.

ВАДИМ ЛУРЬЕ

1

По моим наблюдениям, такие проекты возникают часто в результате обоюдного желания объединить усилия в работе двух сторон. Первая сторона — руководители проектов, исследователи со статусом, а вторая — рядовые сотрудники, пребывающие на вторых ролях. Руководитель распределяет работу между исполнителями, исполнители помимо строчки в резюме получают деньги за проект. Равноправие и горизонтальность в таких группах — редкость. Независимые исследователи, не имеющие званий или аффилиаций, в таком сотрудничестве заинтересованы — это шаг к их самостоятельности. А большой проект, который может быть поддержан грантодателем, чаще всего и не под силу одному ученому.

2

Положительная сторона для руководителя — возможность поручить какие-то детали работы человеку, который их знает лучше, чем он сам (например, статистическую обработку, работу с качественными или количественными данными и т.д.). Для исполнителя, особенно начинающего ученого, участие в таком проекте — это школа и новые умения. Отрицательные черты могут быть следующими. Руководитель, набирая

Вадим Феликсович Лурье

Московская высшая школа
социальных и экономических наук,
Москва, Россия
vadimflurie@gmail.com

большой штат исполнителей, становится менеджером проекта, который должен координировать и редактировать работу своих сотрудников. При этом именно он получит все бонусы за научный труд. Исполнители, которые шли в проект не только за выгодой, но за саморазвитием, могут не получить его, так как будут использованы только их уже существующие знания и умения.

3

У меня нет такого опыта, но, насколько я понимаю, финальный результат проекта формулирует руководитель проекта.

4

Когда в поле работает группа, у которой есть ясная цель исследования, совместно подготовленные опросники и ежедневно создаваемый полевой дневник, это очень продуктивно. Но есть опасность, что исследователи найдут ровно то, что ищут, а что-то важное, интересное, но отсутствующее в опросниках, не заметят. Когда группа в поле состоит из людей, которые занимаются разным, есть опасность, что второй раз к информанту попасть будет сложно (если, например, первый раз с ним общался специалист по «советскому», а после этого хочет поговорить исследователь похоронных практик). В таком случае нужно заранее распределять информантов для посещения, что, конечно, предполагает хорошее знание поля. Пересечений лучше избегать или планировать экспедиции с интервалом в 2–3 года. Информанта лучше посещать малой группой — два, максимум три человека. В группе должны быть специалисты по разным направлениям. Это позволит за одно посещение получить от информанта максимум сведений. Конкурентами обычно становятся исследователи из разных научных школ или дисциплин. Например, сложно было работать группе исследователей фольклора и постфольклора там, где уже побывала группа исследователей ономастики. Несмотря на разницу в интересах, предшествующая группа уже задала определенные стандарты общения и отношения к тому, что интересно исследователям.

Когда речь идет о поле городском, спонтанно возникшем на несколько часов (например, городской митинг), без специализации не обойтись. Визуальный антрополог может только фиксировать все визуальное, а остальные — брать интервью или делать разные подсчеты. Попытка делать все сразу обречена на провал. В поле, где несколько тысяч человек, конкуренция за информанта вряд ли возникнет.

5

Чаще всего совместная работа проходит в Гугл-документах, где выкладываются расшифровки, полевые записи и дневники.

АНДРЕЙ МОРОЗ

1

Должен сказать, задуматься на эту тему меня побудили исключительно вопросы редакции «Антропологического форума». До того как я получил приглашение поучаствовать в обсуждении этой проблемы, ее для меня не существовало, в теоретическом аспекте по крайней мере. Разумеется, мне приходилось участвовать в коллективных проектах и даже — в меру сил и способностей — организовывать их, но никаких особых идей на сей счет, кроме идей, как не провалить проект и довести его до конца, у меня не возникало. Само собой, проекты возникли задолго до появления «академического капитализма» и тем более до возникновения этого термина, коллективных трудов в области гуманитарного знания известно множество (словари, истории литературы, собственно исторические труды). В области же нам более близкой давнюю традицию имеют разнообразные полевые проекты, в том числе наиболее массовые — студенческие экспедиции.

В последнее время число коллективных проектов в гуманитарной сфере растет, однако я не вижу здесь какого-либо принципиального изменения ситуации. Во-первых, мне кажется, что происходит естественное приспособление не столько даже к системе грантового финансирования науки в принципе, сколько к тенденции последних лет грантового финансирования коллективных проектов. По крайней мере российские научные фонды все более тяготеют к выделению грантов на решение обширных научных проблем, требующих коллективного творчества, так что исследователи-индивидуалисты вынуждены или сами финансировать свои исследования, или входить в группу.

Еще одной причиной видится все более растущий интерес разного рода корпоративных структур к прикладным проектам, в которых требуются усилия коллективов ученых. Прикладная антропология в российской действительности за несколько лет

Андрей Борисович Мороз
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
abmoroz@yandex.ru

стала распространенным явлением, по крайней мере в крупных городах.

При этом хотелось бы думать, что финансовая сторона дела — не единственная причина объединения и творческие коллективы единомышленников возникают естественным путем для решения крупных задач. Такие примеры есть, и часто они дают хороший результат. Востребованность коллективного творчества может быть объяснена тенденцией к расширению исследовательских задач, решению на основе более конкретных задачи широкого свойства. Таким образом, объединив несколько ученых, каждый из которых имеет свой круг интересов, близкий, но не тождественный интересам других членов потенциального коллектива, удастся создать общий проект.

Однако результативность исследования — это комплексная проблема, напрямую не связанная с коллективностью научной деятельности.

2

Если не считать экспедиций, в которых участие значительного количества человек оказывается часто принципиально важным (возможность работы в группе при необходимости наблюдения и фиксации, например, людного мероприятия, большой охват информантов, возможность одновременного присутствия в разных местах и т.д.), мне чаще приходится сталкиваться с такими и участвовать в таких коллективных проектах, где нет выраженной стратегии, распределения ролей, общего плана работы, единого подхода. Коллективы часто объединяют исследователей с различными подходами, взглядами и принципами работы. Команда собирается не столько под конкретную задачу, сколько с уже относительно готовыми наработками, которые в большей или меньшей степени приводятся к общему знаменателю — часто по формальному признаку (общее название проекта, сформулированное предельно широко специально под задачу объединения нескольких самостоятельных исследований). Насколько это осмысленно — сказать не могу, но такой подход часто обусловлен экстранаучными причинами, например спецификой финансирования или индивидуальными (в том числе и психологическими) особенностями. Впрочем, я не склонен универсализировать этот опыт, есть, разумеется, и иные примеры. Хочется назвать существенный коллективом ученых, собранных в одну команду А.Л. Топорковым, важный труд «Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы» [Топорков 2017]. Удачно подобранный коллектив ученых, специализирующихся в изучении различных традиций, позволил собрать воедино исследования этого важного текста и этнокультурного контекста его функционирования в разных частях света, у разных народов в разные эпохи.

3

Мой опыт скорее отрицательный. Не в смысле разлада, а в смысле результативности и оправданности коллективной работы. Общий замысел предполагал совместный проект двух небольших групп исследователей из двух стран с общей задачей. Все участники давно друг друга знают и ценят, однако попытки выработать единый план разбились о принципиальное различие в подходах и методах на всех этапах исследования — от организации и подхода к полевой работе до постановки исследовательских вопросов и принципов поиска ответов на них. В итоге общий по замыслу труд не состоялся и был заменен набором отдельных публикаций. Я далек от того, чтобы винить кого-либо в этой ситуации, однако этот опыт укрепил меня в убеждении, что коллективные проекты следует предпринимать лишь тогда, когда в том есть острая и неизбежная необходимость. В меньшей степени это касается совместной работы над одним текстом, когда два-три исследователя изучают одну и ту же проблему на одном и том же или смежном материале. Плохо представляя себе, как такое возможно осуществить технически, я с относительно недавнего времени несколько раз стал автором нескольких больших статей, написанных совместно с разными коллегами. Положительный опыт такой работы, как мне кажется, основывался на том, что каждый из соавторов писал свою заранее оговоренную часть работы, а затем эти части сводились вместе и читались перекрестно, дабы избежать стилистических, композиционных и логических противоречий.

4

Подавляющее большинство моих выходов в поле осуществлялось в составе студенческих экспедиций — сначала в роли студента, затем в роли руководителя. Исходя из этой данности и строилась полевая работа: ее принципы вырабатывались специально под состав из 10–15, а иногда и 20 человек. Между участниками экспедиции распределяются темы, по которым они работают, и по возможности координируются контакты информантов, дабы не пересекаться. В конце или начале следующего дня подводятся итоги, происходит обмен контактами и планируются следующие интервью. Это позволяет, во-первых, охватить большое количество информантов в населенном пункте (80–120 человек за сезон), во-вторых, составить относительно полную картину локальной традиции, в-третьих, избежать пересечения полей интереса, маршрутов и рассредоточить усилия. Обратной стороной является то обстоятельство, что большая группа участников полностью связана единым принципом работы в поле, когда трудности или неработоспособность одного из участников (например, внезапный отъезд или болезнь) создают дополнительную нагрузку на другого с опасностью незапланированного повторного опроса тех же информантов. Использование такого подхода к полю обусловлено прежде

всего не научными задачами, а необходимостью занять большое количество студентов.

В остальных случаях я предпочитаю полевую работу в составе небольшой группы из 2–4 человек или индивидуально. В этом случае поле осваивается под конкретную задачу, общую для группы, и принципы работы оговариваются заранее, если в том есть необходимость. При разделении группы оговариваются заранее маршруты и адреса, дабы избежать пересечений, однако никакой конкуренции не предполагается, поскольку все полевые материалы поступают в общую «копилку».

Библиография

Топорков А.Л. (отв. ред.). Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М.: Индрик, 2017. 855 с., ил.

ЕЛЕНА ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

Коллективные исследования в лингвистике

А. Начну с ответа на вопрос о коллективном полевом сборе материалов.

Полевой сбор первичного языкового материала является по-настоящему коллективным только в экспедициях, построенных по ОТиПловской модели (см.: [Плунгян, Федорова 2017]). Соответственно экспедиции такого типа всегда так или иначе связаны с российской лингвистикой и, более узко, с ее определенным течением. Если я не ошибаюсь, за пределами этой традиции массовые коллективные лингвистические экспедиции не проводятся. Бывает, что в поле выезжают два, даже три исследователя (можно вспомнить экспедицию к алеутам, в которой приняли участие Е. Головки, Н. Вахтин и А. Асиновский). Но такие экспедиции строятся на иных принципах. В ОТиПловских экспедициях практикуется распределение лингвистических тем, регулярный обмен языковыми данными и результатами исследований. Происходит изучение языка как сложение мозаики, по крайней мере в идеале.

Елена Всеволодовна Перехвальская
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
elenap96@gmail.com

Я бы исключила из по-настоящему «коллективных» экспедиции в Африку под руководством В.Ф. Выдрина, в которых каждый участник занимается «своим» языком и коллективность заключается в совместном проживании и проведении регулярных семинаров. Тут, конечно, также происходит обмен информацией, например вдруг все начинают изучать в своих языках одну и ту же грамматическую тему, используются одни и те же анкеты. В статьях разных авторов по разным языкам видишь одни и те же примеры (использовались переводы одной анкеты). Но все же это не совсем коллективная экспедиция. Каждый над своим языком работает индивидуально.

В связи с успехами ОТиПловского метода подготовки лингвистов, экспедиции ОТиПловского типа стали у нас обычными, но не думаю, что они когда-либо станут основным типом полевых исследований в мировой практике.

Остановлюсь на плюсах и минусах таких коллективных лингвистических экспедиций. За основу их построения были, скорее всего, взяты экспедиции геологические и археологические, которые традиционно коллективны. Но в прошлом полевые исследования антропологов («этнографов») традиционно были индивидуальными. Мне кажется, это связано со степенью вовлеченности в предмет исследования «обитателей поля». Научные цели геологов или археологов не касаются окружающего населения, напротив, изучение его культуры является целью антрополога.

Похоже, что чем более «гуманитарной» и чем менее структурированной является область знания, тем менее она поддается коллективному исследованию. С этим связан и успех экспедиций ОТиПловского типа, так как они нацелены на негуманитарную «техническую» лингвистику, которая приближается к естественным наукам.

Первые лингвистические экспедиции, которые организовывал сам Александр Евгеньевич, были студенческими, и помимо научных целей имели также цели пропедевтические и воспитательные. Это была студенческая практика. Контакты с окружающим населением были ограничены — информанты сами приходили к месту работы (в школу), никакого посещения информантов в домах не предполагалось. В результате лагерь жил своей жизнью, мало связанной с жизнью носителей того языка, который студенты коллективно изучали.

Я много лет организовывала студенческие экспедиции примерно такого типа (на базе кафедры общего языкознания СПбГУ, см.: [Перехвальская, Сай 2017]), в которых в общей сложности приняли участие более 100 студентов, и меня всегда огорчало

отсутствие человеческого интереса к «информантам» у многих участников. Достаточно посмотреть на фотографии, которые делались в ходе экспедиций: подавляющая часть снимков — это жизнь лагеря. Были годы, когда мы не могли найти фотографию того или иного информанта, чтобы поместить на сайт!

У лингвистов, антропологов, фольклористов, работающих по одному, появляются друзья среди информантов, какими для меня были многие удэгейцы, жители Красного Яра (Приморский край). Ничего похожего не происходит, как правило, в коллективных экспедициях. Их участники мало знают о том, что делается в том селе или деревне, где они работают. Однако мне кажется, лингвист, антрополог, фольклорист должны быть в курсе происходящего в социуме, где живут люди, культуру которых они изучают.

Представим себе, что в русскую деревню приехала группа иностранных студентов, изучающих русский язык. Они живут отдельно своим лагерем, довольно закрытым, вызывают к себе «информантов» из деревни, в основном учителей, с которыми работают: задают им разные вопросы и записывают ответы. Если их цель — техническая лингвистика («явление X в языке Y»), то все не так плохо, но более широкие исследования невозможны.

Положительной стороной ОТиПловских экспедиций было то, что они значительно ослабили существовавшую среди лингвистов тенденцию предъявлять исключительные права на какой-то язык. А.Е. Кибрик писал об этом: «Против коллективной работы с языком выступает “собственнический” инстинкт некоторых лингвистов, занимающихся “редкими” языками — желание иметь “право единоличной собственности” на язык. <...> Появление новых исследователей, занимающихся тем же языком, часто воспринимается болезненно. Я категорически не разделяю такую точку зрения и всегда ее игнорировал» [Кибрик 2005: 57]. После появления «кибриковских» экспедиций изучение того или иного языка перестало восприниматься как прерогатива какого-то конкретного исследователя или института, по крайней мере в общественном мнении. Это очень большое достижение. Возможно, такая «ревность» по отношению к «своему» языку — это следствие проведения индивидуальных полевых исследований. С этим же, по-видимому, связана ревность к информанту, которая упоминается в предложенных вопросах. Это обратная сторона личного отношения к языку, народу, к информантам.

Не имеет смысла ставить вопрос: что же лучше? Ясно, что было бы прекрасно совместить все хорошие стороны каждого подхода, и также ясно, что на практике это с трудом достижимо.

У меня был опыт полевой работы в коллективах разного рода: индивидуальная экспедиция; экспедиция вдвоем; небольшой группой (3–4 человека); большой бригадой, изучающей один и тот же язык; группой, где каждый изучает свой язык. Чем меньше группа, тем больше климат в ней зависит от внелингвистических качеств участников. С точки зрения научной успешности, пожалуй, небольшая группа (3–4 человека), изучающая один язык, будет предпочтительной. Такие группы, кстати, сложились (под руководством А. Желтова, А. Шлуинского, С. Сая).

В то же время мне представляется несправедливым утверждение, что коллективный метод полевых исследований вытесняет индивидуальные экспедиции. В западной лингвистике, безусловно, преобладают индивидуальные исследования.

В. Перейду к коллективным «кабинетным» исследованиям на базе научного или научно-образовательного учреждения.

Распространение коллективных исследований в социальных науках — факт безусловный. Я буду касаться конкретно лингвистики. Коллективные исследования в лингвистике начались сравнительно недавно и касаются той ее части, которая в наибольшей степени близка к естественным наукам. У них заимствуются методы, ход исследований, способ изложения результатов. Изменилась форма лингвистических статей, доказательный аппарат все время усложняется, сейчас он с необходимостью включает не только многочисленные иллюстративные примеры, но и статистические данные. Если в XIX в. можно было ограничиться расплывчатым рассуждением типа «взгляд и нечто», сейчас требуется логичная система доказательств, желательно подкрепленных цифрами. Работа стала гораздо более «временёмкой», но и менее творческой. Нужны квалифицированные люди, которые будут высчитывать индексы и обрабатывать цифровые данные. «Вдохновение» для них необязательно, нужны аккуратность и усидчивость. Работа современного лингвиста может состоять в заполнении базы данных, в статистических подсчетах или в поиске по корпусу. Все это требует многих и многих человеко-часов.

Современные лингвистические исследования, если сравнить их с исследованиями прошлых лет, также требуют очень большого крутозора. В любой работе требуется обзор литературы, указания на источники всех цитат, идей, мыслей. Нужны лингвисты, которые пристально следят за публикациями, прочитывают ведущие журналы, находятся в курсе выходящих сборников.

Кроме того, или скорее прежде всего, нужен ученый, который поставит задачу, генератор идеи.

В коллективе, помимо руководителя, еще должен быть «пушер», который подгоняет участников проекта, напоминает о дедлайнах и тому подобном. Не каждый руководитель способен играть эту роль. Я, как показывает практика, на это совсем не способна.

Может ли один и тот же человек совмещать в себе все эти качества: быть генератором идеи, источником информации, квалифицированным техническим работником и пушером? Да, такие люди есть, но их немного.

Творческий коллектив в идеале должен быть построен на тех же основаниях и включать эти типы деятельности.

На практике существует несколько основных вариантов коллективных лингвистических проектов.

1. Проект “ad hoc”. Никакого коллективного проекта нет, все работают над индивидуальными привычными темами. Цель такого проекта — получение финансирования. В прошлом к этому типу принадлежала существенная часть российских проектов, поддержанных российскими фондами. Главная эквилибристика в написании такой «псевдоколлективной» заявки заключалась в объединении иногда совершенно разных тем под общим названием. Особенно удачно выглядели проекты, посвященные развитию каких-то научных школ. Основным результатом была публикация не связанных между собой статей со ссылкой на этот грант. Впрочем, финансирование обычно было невелико, и участники получали небольшую прибавку к зарплате, возможность поехать на конференцию и, может быть, новый ноутбук.

2. Проект «Руководитель+». Мне кажется, проекты “ad hoc” стали отходить в прошлое. Я все больше сталкиваюсь с иным типом коллективного проекта: руководитель определяет тему и подбирает исполнителей. Но подбор исполнителей часто ограничивается если не ближайшим, то весьма близким окружением. В наших российских проектах иначе не может быть, поскольку проект не предполагает, что исполнитель нанимается на полную ставку и переезжает (вместе с семьей) к новому месту работы. Нанять иностранного исполнителя вообще невозможно из-за особенностей российского финансового законодательства. Однако это все же не улучшенный вариант проекта “ad hoc”, поскольку в ходе работы все-таки создается некий синергетический эффект.

3. «Большой проект». Только большие, получившие серьезное финансирование проекты (например, проекты ЕС) устроены таким образом, что руководитель реально собирает новый исследовательский коллектив, который совместно работает над темой. Тут многое зависит от руководителя и его стиля руководства. Чем больше руководитель вовлечен в проект и чем

больше сил он ему отдает, тем значительнее результат. Впрочем, это прописная истина.

Мне приходилось работать в самых разных коллективных проектах в качестве как руководителя, так и исполнителя. Кроме того, мне приходилось наблюдать, как работают другие проекты. И я должна сказать, что эти проекты все равно в каком-то смысле индивидуальны. Я ни разу не сталкивалась с ситуацией, когда длительный серьезный проект работал бы при по-настоящему коллективном руководстве. Все равно во главе кто-то один. В этом смысле многие коллективные проекты не совсем коллективны.

Менделеев, по легенде, увидел свою таблицу элементов во сне. Понятно, что он бесконечно думал на эти темы, и вот оно — сложилось. Эврика! Если бы он руководил группой химиков и физиков, возможно, они, все посчитав, коллективно пришли бы к такому же результату. А может быть, на основе их данных вывод сделал бы он сам. В любом случае, задача все равно была бы поставлена руководителем.

Так что важность личности не уменьшается от того, что исследования стали «коллективными». Другое дело, что в хорошо организованных проектах возникает синергетический эффект, и тогда рождается новое знание.

Отвечу на вопрос о взаимодействии с коллегами разных дисциплин и школ. Если не считать проектов “ad hoc”, где неважно, к какой школе или даже дисциплине принадлежат товарищи по проекту, мне не приходилось участвовать в таких проектах. А жаль. Мне кажется, они ставят новые задачи, устанавливая корреляцию между данными, например, лингвистики и археологии, лингвистики и генетики. Это может действительно дать новое знание.

Библиография

- Кибрик А.Е. Опыт ОТиПЛа (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков // Кибрик А.Е. (ред.). Малые языки и традиции: существование на грани. М.: Новое издательство, 2005. Вып. 1: Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. С. 53–71.
- Перехвальская Е., Сай С. Экспедиции по ОТиПловской модели: петербургская традиция // Плунгян В.А., Федорова О.В. (ред.-сост.). Жизнь как экспедиция: Сб. ст. к 50-летию школы полевой лингвистики А.Е. Кибрика и С.В. Кодзасова. М.: Буки-Веди, 2017. Т. 2. С. 954–967.
- Плунгян В.А., Федорова О.В. (ред.-сост.). Жизнь как экспедиция: Сб. ст. к 50-летию школы полевой лингвистики А.Е. Кибрика и С.В. Кодзасова. М.: Буки-Веди, 2017. Т. 1–2. 1050 с.

НИКИТА ПЕТРОВ

1

«Коллективность — это важное свойство фольклора». — «А что такое коллективность? Вот если бы я сочинил былинку, а вы вместе со всеми сотрудниками создали эпос, чье произведение было бы успешней?» — примерно такой диалог состоялся на семинаре в 2004 г., где недавно защитившийся аспирант делал доклад перед студентами и решил рассказать о теории фольклора. Примерно на этом вопросе известного российского ученого доклад и закончился, а природа коллективности и предел успешности коллективного продукта так и не выяснились.

Заданные вопросы предполагают, что коллективные проекты, по крайней мере те, о которых мы знаем, в последнее время несколько успешнее по видимым результатам, нежели индивидуальные, а производство коллективного научного знания отвечает наукометрическим критериям «правильности», которые спускаются «сверху». Наверное, это не всегда так: я знаю некоторое количество индивидуальных проектов — успешных и по качеству финального продукта не уступающих коллективным. Ключевой тезис, определяющий, как мне кажется, значение коллективности в разные эпохи, — качество сетей, которые и обеспечивают циркуляцию смыслов, знаний, людей и продуктов. То или иное состояние инфраструктуры, в которой производится знание — от домашнего семинара и университета до системы-учета-наукометрических-показателей, где результат коллективного действия регламентирован до мельчайших деталей, — показывает, как смещается понимание коллективности. Говоря в этом ключе о совместных проектах, я бы выделил несколько типов «коллективности».

Никита Викторович Петров

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ / Московская высшая школа социальных и экономических наук / Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
nik.vik.petrov@gmail.com

1. «Наука — дело коллективное»

Модель классического университета в классическом же понимании Вильгельма фон Гумбольдта (меморандум «О внутренней

и внешней организации высших научных учреждений в Берлине») предполагает наличие свободного времени и/или внутренних стремлений студентов и преподавателей, которые и должны вносить вклад в науку. В начале 2000-х гг., когда я начал заниматься фольклористикой и культурной антропологией, и вплоть до 2012 г. (начало участия в коллективных проектах, а потом и руководство ими) так или было, или казалось. Уверен, на мое восприятие сильно повлияло место — Российский государственный гуманитарный университет образца начала 2000-х гг.: свободное посещение, множество книг, возможность ходить на все интересные тебе занятия (никто не выгонял) и т.д. Атмосфера внутри РГГУ и конкретно в alma mater — Институте высших гуманитарных исследований, затем в Центре типологии и семиотики фольклора — была воодушевляющей, а гумбольдианские «внутренние стремления» приводили к понятному результату — одна-две статьи в год, написание которых сопровождалось горячим и долгим обсуждением онлайн и офлайн с коллегами совершенно разных специальностей: от лингвистики до молекулярной биологии.

Наверное, похожие дискуссии перешли в социальные сети и в офлайн-кружки, ридинг-группы, комментарии к статьями на academia.edu и т.п. Однако у меня сохраняется ощущение, что их стало на порядок меньше, а сами дискуссии стали короче. Понимание «коллективной» науки, когда промежуточная «истина» рождается в дискуссии с коллегами, где каждый вносит свой посильный вклад, для меня было самоочевидным в начале 2000-х гг. Вероятно, на это повлияли учителя и старшие коллеги, которые рассказывали истории о знаменитом домашнем кружке у Е.М. Мелетинского и цитировали его высказывание: «Наука — это дело коллективное».

2. Коллективный проект как зонтик для индивидуальных инициатив

Когда год за годом стали появляться «проекты» и «проектные коллективы», я выяснил, что название темы гранта бывает зонтичным, оно не всегда направлено на решение конкретной задачи. Под этот зонтик можно встать и аспиранту, который пишет про русский эпос, и кандидату наук, чьи занятия связаны, например, с механизмами образования анекдотов. В 2006–2012 гг. помимо индивидуальных проектов я участвовал и в коллективных грантах в качестве исполнителя. Задачей исполнителя было подготовить научный отчет, несколько публикаций по своей тематике и выступить на одной-двух конференциях. Важную роль тут играл руководитель проекта, которому нужно было придумать правильную формулировку, куда подверстывались бы интересы всех участников, прописать в заявке цели

и возможные результаты проекта, составить на основе индивидуальной работы, проделанной каждым участником, общий отчет, который отвечал бы заявленной теме. Такие коллективные проекты хороши тем, что дают возможность молодому ученому принять участие в работе коллектива, получая за свою научную работу и символическое, и финансовое поощрение. За несколько лет такой совместной работы выясняются и компетенции, и личные качества участников проектного коллектива, да и сам участник понимает, может ли он брать на себя ответственность в срок сделать некоторый объем работы.

3. Коллективный проект как выработка общего языка

В другом случае, когда все участники занимаются конкретной темой, результатом командного проекта может оказаться коллективная монография. Говоря «коллективная монография», я не имею в виду объединенные под одной обложкой разные тексты разных авторов на похожую тему, которые можно увидеть, просматривая книги, зарегистрированные в РИНЦ и на elibrary.ru. Во время выполнения таких проектов вырабатывается общий язык, особенно важно, как мне представляется, приходиться рядовым участником в новые коллективы, которые используют непривычную систему координат, другой инструментарий и читают другие тексты. Наверное, это лишь личный опыт, но для меня как рядового участника в проектах такого типа смена оптики, языка и круга чтения оказалась невероятно продуктивной и позволила взглянуть на привычные явления глазами представителей других дисциплин. Представьте себе, что вы умеете обрабатывать дерево, вас называют плотником, но вы приходите «стажироваться» в артель бондарей. Чтобы получить продукт, нужно не только узнать инструментарий (*круговой горбач, уторник, натяг, скобелка, шерхебель*), названия частей бочки (*бочарные и кадушечные клёпки, шейный и уторный обручи* и др.), но и обучиться ремеслу в коллективе.

4. Коллективный проект как сборочный цех

Вероятно, под влиянием негуманитарных дисциплин, где результаты связаны с разными компетенциями участников, коллективные проекты такого типа подразумевают разделение функций. Одни («мозг») концептуализируют, другие («ноги») собирают данные, третьи считают результаты, четвертые («руки») пишут, пятые («лицо») продают товар на рынке, презентуя научный продукт, или договариваются с редакторами журналов, чтобы текст был опубликован. Разделение функций в таком типе проектов, с одной стороны, приводит к качественному продукту, где каждый выполняет отведенную ему часть работы, с другой — избавляет некоторых участников от пони-

мания того, как устроен конечный продукт. Презентаторы не всегда знают, как именно работает скрипт, который написал программист, «ноги» часто не могут объяснить, почему «руки» написали такой текст, иногда это приводит к неловким ситуациям. Но есть «сердце», которое выслушивает всех страдающих участников процесса и успокаивает их, а менеджер (назовем его «позвоночник») пытается оптимизировать все эти процессы. В прикладных проектах, где задействовано более 30 человек, важную роль играет координатор и академический продюсер, но это другая история.

Наверное, есть множество модификаций типов «коллективности», заметных при выполнении такого рода проектов, однако существующая сегодня инфраструктура во многом диктует их тиражируемость. Я думаю, что при прочих факторах (мода, положительный опыт получения коллективных грантов, коллективная ответственность, разделение функций участников и т.п.) на распространение коллективных проектов влияют две вещи, зависящие от существующей инфраструктуры.

Во-первых, все большая коммодификация научного знания, когда оно воспринимается как товар, который поддерживает рейтинг университетов и фондов. Чем больше рейтинговых и цитируемых публикаций с аффилиацией университета и публичных упоминаний с именем фонда имеет ученый, тем больше символический ресурс организации.

Во-вторых, это понятие легитимности научного продукта. Если его создает группа специалистов, то, вероятно, он будет восприниматься «принимающей стороной» как более конвенциональный и даже «правильный».

2

В моем опыте есть руководство проектом, где задействовано больше 100 участников, — «Историческая память городов» <pastandnow.ru>. Самым сложным было организовать роли участников проекта, которые обладают примерно равными компетенциями: умеют собирать, обрабатывать и анализировать данные. Отсутствие явно прописанных задач для каждого участника на первых порах порождало неразбериху: кто отправил на расшифровку этот текст? Почему вместо десяти интервью собрано два? Кто занимается презентацией результатов по проекту? Кто координирует расшифровщиков? Поэтому сначала мне пришлось делать все виды работ, совмещая это с руководством. Только после разделения зон ответственности «велосипед» поехал. Жестко регламентированные грантодателем точки отчетности (три за год с проверяемыми результатами) в целом способствуют развитию навыка долгосрочного планирования, особенно ценного для руководителя. Еще я стал чуть более толерантно относиться к людям, которые говорят на другом

языке (разработчики карты, создатели сайта и т.д.), если мы делаем совместное дело. Особенно важно встречаться и проговаривать несколько раз одну и ту же задачу, чтобы результат удовлетворил всех.

Руководство большим проектом позволяет взглянуть другими глазами на цеховые и личные отношения, в которых ты состоишь с коллегами. Исполнители проекта просят продлить дедлайн, например по сбору интервью, а ты не можешь этого сделать, потому что расшифровщик должен закончить транскрипт до определенного срока, чтобы кодировщик мог вбить текст в базу данных, чтобы программист создал точку на карте. Если в академической среде иногда можно договориться с коллегами о продлении сроков (позже «дать статью» в сборник или подать заявку на конференцию), то при выполнении большого коллективного проекта мы попадаем в ситуацию, где мягкие дедлайны не работают, а сроки не зависят от личных отношений и устных договоренностей.

3

Последние три года мы с разными коллегами (прежде всего с когнитивистами и представителями теоретической социологии) пытаемся выстроить модель взаимоотношений, которая описывается словом «междисциплинарность». Совместные семинары и рабочие совещания, обсуждения в кулуарах, обоюдные лекции — все это привело к пониманию двух вещей.

Во-первых, совместный проект, тем более с понятным результатом, сложно построить, когда представители другой науки мобилизованы по дисциплинарному признаку, а их «передовые войска» воспринимают попытку сотрудничества как интервенцию и посягательство на границы этой дисциплины. Поэтому дело ограничивается кражей новых терминов, которые в процессе обкатки меняют свое значение и становятся языком той или иной дисциплины.

Во-вторых, для того чтобы начать коллективный проект, нужно договариваться об общем списке литературы и исходных аксиологических принципах. Наверное, сотрудничество все-таки возможно: совместно с когнитивистами мы хотим провести серию экспериментов и в результате понять, что страшного в детских страшных историях, но пока не договорились о том, как выстроить гипотезу в соответствии с правилами этой дисциплины.

4

Большинство фольклорно-этнографических, лингвистических и антропологических экспедиций, в которых я был за 20 лет работы в поле, коллективные. Учиться у разных коллег бесценно: полевая работа дала мне замечательный опыт ведения интервью, полевого дневника, археографических и эпиграфи-

ческих исследований на местах, научила выстраивать взаимоотношения с рассказчиками, местными жителями (иногда агрессивно настроенными к чужакам), с административными органами на местах и участниками экспедиции. Но в коллективных экспедициях возникают и противоречия, и конфликты.

Знакомые всем выездные исследования в поле — это формат студенческих практик. Они различаются в деталях, но похожи типологически. В привычных мне экспедициях такого типа существуют свои роли: «руководитель» — знающий и опытный полевик, чьи суждения, методы и правила воспринимаются как непреложная истина; «старенькие» — те, кто уже ездил в такие экспедиции и транслируют обычно неэксплицируемые правила и ритуалы поведения «новеньким» в неформальной обстановке. В таких экспедициях эта временная иерархия и правила позволяют избежать большей части проблем с дисциплиной — подходы понятны, роли распределены, а ритуалы известны. Коллективная работа дает понимание того, что все делают одно общее дело, поэтому результат впечатляет: огромные архивы, расшифрованные аудио-, гигабайты обработанных фото- и видеозаписей. Однако такая несвобода порождает ряд конфликтных ситуаций, когда в экспедицию приезжает человек с совершенно другим опытом или тот, кто не принимает или не понимает правила игры. Я знаю несколько случаев, когда поле «поссорило» исследователей на пустом месте из-за недоговоренностей или непонимания базовых принципов работы, поэтому важно до поездки обговорить детали и методы работы, тем более этические принципы, принятые в том или ином коллективе.

Любопытнее другие ситуации, когда две опытные команды, работающие в одном проекте, впервые выезжают в одно поле, заранее договорившись об этой поездке. И если в процессе научной работы и обсуждения материалов в кабинете представляется, что мы мыслим себя в одной парадигме, то совместная поездка показывает, насколько разными мы оказываемся *de facto*. Интересные нам сюжеты оказываются ненужными коллегам: они их не записывают или спрашивают не до конца, обрывая собеседника на середине; откровенно и демонстративно скучают на интервью, если речь заходит о темах неувлекательных; подсказывают сюжеты, за которыми охотятся; ищут самых пожилых жителей, чтобы поговорить именно с ними. Само собой, это взгляд со стороны: уверен, что наблюдения за нами вызвали у коллег похожие эмоции. В фольклорных экспедициях мы долго и занудно спрашиваем общеизвестные вещи, готовы слушать не про фольклор, не хотим «испортить поле» и т.д. Как раз столкновение самых разных и обычно не вербализуемых за пределами определенного коллектива техник

интервью позволяет сделать из них объект рефлексии. Я думаю, что они схожи с техниками тела (их описывал Марсель Мосс). Это инструментальные навыки, которые трудно передать словами, но различия в которых легко увидеть, когда пытаешься их применить.

Одной из самых познавательных для меня была поездка к кетам в пос. Келлог вместе с лингвистами (1–21 июля 2018 г.). В рамках этой экспедиции мы собирали глубинные интервью про изменение языковой ситуации в поселке, записывали монологи на бытовые темы по-кетски и по-русски, анкетировали, проводили небольшой эксперимент по восприятию иллюзий (внимательный читатель догадается, что результат этого исследования неизвестен — мы еще не обсуждали обработанные материалы со знакомыми когнитивистами).

5

Для создания общей библиографии я пользуюсь библиографическим менеджером Zotero <<https://www.zotero.org/>>. Их несколько, но этот функциональный и простой в обращении, умеет преобразовывать большую библиографию под разные ГОСТы, можно поставить плагин в браузер и сохранять одним кликом нужные статьи — статья автоматически вносится в библиографическое описание проекта.

Полезным для больших проектов оказалось использование задачного менеджера Trello <<https://trello.com/en>>. Задачи можно назначать, ставить сроки их выполнения, подгружать материалы и работать совместно онлайн. Визуально и функционально Trello похож на Канбан-доски <<https://www.kanbanchi.com/>>, в них удобно видеть весь процесс и результат работы.

В коллективных городских экспедициях мы используем весь набор Гугл-документов <<https://www.google.ru/intl/ru/docs/about/>> для совместной работы и пространство облачных сервисов, это при наличии интернета чрезвычайно удобно, а результаты работы видны сразу и всем.

Раньше мы использовали рабочее пространство Dropbox <<https://www.dropbox.com/ru/>>, но при совместном редактировании файла создаются конфликтующие копии, что затрудняет работу.

Если сети нет, то для управления проектами удобно пользоваться шаблонами Гугл-таблиц, настраиваемыми так, как удобно пользователю <<https://vc.ru/services/65975-shablon-tablicy-vremennogo-planirovaniya-proektov>>. Шаблон для учета полевых материалов можно скачать здесь, изменив его так, как вам удобно: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1v_1p1sBWOyWj0RmJVSCSfojgYjYZPyUPuwhOjqfWa9A/edit?usp=sharing>.

МАРИЯ СТАНЮКОВИЧ

**Коллективные проекты в антропологии,
или «Никогда такого не было,
и вот опять»**

«Время ученых-одиночек прошло, и прошло, видимо, безвозвратно», — читаем мы в приглашении к дискуссии. Что это — констатация факта, трансляция доминирующей точки зрения (чьей?), ее настоятельная рекомендация? Можно, конечно, сказать — провокация, приглашение к спору. Позвольте и мне устроить здесь свою небольшую провокацию.

Читаем дальше: «Если социальная антропология и полевая социология XX в. были индивидуальными предприятиями, то современный исследовательский проект в социальных науках чаще всего предполагает коллектив: руководителя и исполнителей». Что-то ужасно знакомое. Дежа вю. Тысячу раз слышала это в советское время на собраниях, читала в газетах, в установочных документах Академии наук. Только тогда временем одиночек называли XIX век, а «антропологию» — «этнографией». Но суть та же. Лозунг «время одиночек прошло» был основополагающим для советской идеологии, коллективные проекты считались магистральным путем социалистической науки. В нашей области это было растянувшееся на десятилетия издание томов «Народов мира», бесконечные этнографические атласы всех частей света, подготовка собраний сочинений (например, Н.Н. Миклухо-Маклая), плюс самые разнообразные тематические серии: по жилищу, пище, играм народов мира и пр. В каждом случае коллектив: руководитель и исполнители.

Потом пришла перестройка, «и раб судьбу благословил». И вот мы возвращаемся к тому же, хоть и под другим соусом.

На мой взгляд, самое опасное, что сейчас происходит, — это забвение истории науки, принятие игры по чужим правилам, обсуж-

Мария Владимировна Станюкович
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
mstan@kunstkamera.ru

дение проблем на чуждом языке и в рамках чуждой науке логики. Плохо, когда наукой командуют внешние ненаучные силы. Гораздо хуже, когда эта логика интериоризируется. В данном случае уважаемый журнал предлагает (или принимает?) позицию начальников, организаторов и крупных государственных грантодателей, связанных с управляющими структурами, т.е. тех, чье дело — управление, контроль.

В каком смысле время одиночек прошло? Научный аспект даже не предлагается к обсуждению. Нас не спрашивают, какие работы — выполненные «одиночками» или группами — обладают большей научной ценностью, остаются как вехи в истории науки, влияют на ее развитие. Но я все-таки отвечаю: на мой взгляд, несомненно — работы, выполненные теми самыми одиночками, время которых якобы прошло.

Большой вопрос, конечно, что вообще считать коллективным проектом (КП). Если «коллектив: руководитель и исполнители» — то таковыми должны считаться наши НИРы, которые в самом деле просто форма отчетности. А вот ежегодные международные школы по фольклористике и культурной антропологии Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ (в этом году будет уже двадцатая) — это коллективный проект? На мой взгляд, да, прекрасный КП, и я с радостью много лет в нем участвую. А «Маклаевские чтения», «Бестиарий» и другие ежегодные чтения отделов МАЭ РАН, до недавнего времени, как и школа, регулярно публиковавшие свои сборники? Вроде бы нет, хотя руководители и ядро участников, как и на школе, более или менее постоянные. Но среди них есть «проходные», а есть особенные, обладающие всеми свойствами КП (например, среди множества Маклаевских чтений — конференции и сборники, посвященные чествованию наших учителей — Е.В. Ревуненковой, А.К. Оглоблина, Г.Е. Рачкова). Можно ли квалифицировать как КП тематические и региональные международные форумы? В моем случае это конференции международных обществ: ICAS — по австронезийской лингвистике, Philippine Studies, ISARS — по шаманизму, IACM — по мифологии, ISHGR — по охотникам и собирателям, финские фольклорные Formula, Versification и пр. Участие в них в течение десятилетий несомненно формирует виртуальные коллективы достаточно постоянного состава. В этих сообществах происходит обсуждение и «обкатывание» новых данных и теорий, формируются творческие союзы, выходят тематические труды. Будь у нас всех достаточно денег на экспедиции, оборудование, поездки на конференции, на публикации и просто на жизнь, нам бы вполне хватило участия в подобного рода научных неформальных коллективах и мы не стремились бы постоянно образовывать временные небольшие группы с жесткими структурами.

Видимо, статус КП, которые мы тут обсуждаем, определяется наличием отношений прямого подчинения (подотчетности) и финансов. В такие групповые проекты чаще объединяются вынужденно, по техническим причинам: деньги, ставки, публикации, рейтинги. А также потому, что это становится обязательным требованием (чему данная дискуссия способствует).

Современный этап насильственного бюрократизированного коллективизма сбивает нас в крестьянские общины нового порядка. С одной стороны, натуральное хозяйство: каждый сам должен сеять и обрабатывать свой лен, шить себе из него одежду, продавать, на вырученные деньги нанимать помощников и воспитывать себе смену; но при этом каждые два дня надо писать отчет, сколько льна посадил и как устраивал тендер на покупку семян (изначально фэйковый, потому что для твоей местности подходит только один вид семян, остальные не взойдут). Групповые проекты помогают решать эти задачи, по определению ненаучные, но они же закрепляют существующее положение как нормативное. Грант, который даст нескольким «одиночкам» возможность некоторое время спокойно делать свою работу, часто можно получить только с помощью участников, приглашенных из «технических» соображений: один предоставляет свое имя для «проходимости» грантовой заявки, другой берет на себя поиск подходящего гранта, третий — написание оной, четвертый — бухгалтерию, икс и игрек приглашены для соответствия требованиям по возрасту и месту и т.д. Итоговые научные публикации (иногда выходящие под многими фамилиями) часто пишут один-два участника, плюс (в случае коллективной монографии или подборки статей на тему) лица, вообще в гранте не участвовавшие — и не потому что коррупция, а потому, что все кривится в угоду групповой бюрократической форме, снова, как в советское время, объявленной «современной» и «прогрессивной». Число индивидуальных грантов все сокращают и грозят их совсем уничтожить.

Постоянно происходит навязывание ненаучных принципов работы. Раз уж это журнальная дискуссия, скажу о новой моде в цитировании, это имеет непосредственное отношение к обсуждаемой теме. Многие российские и зарубежные журналы («АФ», к счастью, не в их числе) настоятельно рекомендуют ссылаться только на издания последних пяти лет; на собственные публикации ссылаться не только не рекомендуют, но кое-где уже прямо запрещают. Это нарушение самой сути научной работы, отличающей ее от газетной хроники. Не последнюю роль в этом играют групповые интересы — лоббирование журналов, повышение их индексов цитирования. Есть темы, по которым важные исследования были опубликованы лет 50 назад, потом ими много лет никто не занимался, а теперь

существует один-два специалиста во всем мире. Требование не ссылаться на старые публикации и на свои работы вынуждает автора бесконечно топтаться на месте, повторяя уже опубликованное предшественниками и им самим, вместо того чтобы отослать читателя к статье или книге, где вопрос был подробно рассмотрен. У меня совсем тупиковый случай: 25 лет я собираю в поле и публикую исследования и материалы по ритуальному эпосу горного филиппинского народа яттука (йаттука). До меня никто ими не занимался. Семь лет назад количество изучающих этот народ удвоилось благодаря моему бывшему ученику лингвисту С.Б. Клименко. Как прикажете публиковаться без ссылок на наши работы, частью написанные в соавторстве? Другая сторона проблемы: требования игнорировать «старые» работы и подчеркивать свое новаторство (в стиле заявки на грант) побуждают позиционировать себя как первооткрывателя (подробнее я писала об этом в рецензии на книгу норвежского коллеги, недавно опубликованной в «АФ» [Станюкович 2018]). Эти требования как бы говорят: нет никакого накопления научного знания, никакой традиции, преемственности, каждый раз начинаем с чистого листа. И вот смотрите — результат есть! То, что было два шага назад, на протяжении жизни еще действующего поколения, уже забыто; то, что было советской нормой, воспринимается как прогрессивная инновация.

Резюмируя эту часть, признаю: да, у представителей моего поколения, выросшего и начавшего работать в советское время, аллергия на коллективизм. Нас перекармлили им в юности.

Из сказанного выше не следует, что я чистая «одиночка», совсем не вижу положительных сторон работы в группе и не участвую ни в каких в групповых проектах. В самом деле их за мою жизнь накопилось довольно много.

Некоторые были коллективными проектами лишь номинально, просто собирали статьи под одной «шапкой» (см., например: [Этнографическая наука 1993; Иванова, Решетов 1999]). Расскажу о двух, в которых, на мой взгляд, было плодотворное взаимодействие между руководителем и участниками. Первый — достаточно известный, можно сказать, знаменитый в свое время проект под руководством Игоря Семеновича Кона, посвященный исследованию процессов социализации в традиционных обществах. Сборник по народам Восточной и Юго-Восточной Азии [Кон 1983], в котором я была одним из исполнителей, открывал серию; потом вышло еще несколько. Я многому тогда научилась у Игоря Семеновича и собственный коллективный проект позже построила в значительной степени по тем же принципам. Мой проект был посвящен этноботанике, а именно жевательным стимуляторам растительного проис-

хождения в ритуале и мифологии народов мира. Как и в первом случае, тема была совершенно новая, никто, кроме руководителя, ею прежде не занимался. Проект был безденежным, а время уже новое. Чтобы побудить коллег к бескорыстной научной деятельности, я прочитала несколько лекций, сделала пару секций на конференциях, написала программу, которой руководствовались авторы при написании статей. Получилось неплохо, все участники остались довольны, а сборник «Бетель, кава, кола, чат» [Станюкович, Касаткина 2015] немедленно стал бестселлером.

Несколько лет жизни я потратила на текстологическую подготовку рукописей Н.Н. Миклухо-Маклая по Микронезии и Меланезии для «Собрания сочинений» — это была дань верности моему учителю Б.Н. Путилову, который фактически был главным редактором издания и просил меня участвовать в проекте. Работа была тяжелая и осложненная представлениями Д.Д. Тумаркина, официального главного редактора, о текстологии как научной дисциплине (вернее, полным отсутствием у него таких представлений).

Вот пара международных КП по филиппинскому эпосу, к которым я имела отношение. Первый — «Эпос на шелковом пути», которым много лет руководила Николь Ревель, специалистка по южнофилиппинскому эпосу из CNRS. Он включал финансирование полевой работы самой Николь, семинары, публикации, несколько конференций во Франции и на Филиппинах и создание Архива филиппинского эпоса (Archive of Philippine Epics) в Маниле (Ateneo de Manila University) и его копии в Париже (CNRS). В архиве хранятся публикации (в том числе и мои), аудиозаписи эпических сказаний и рукописи их транскрипций и перевода, выполненные филиппинцами разного статуса — от исследователей до местных краеведов — за очень скромные выплаты, в основном предоставляемые посольством Франции на Филиппинах. Это очень ценные материалы, однако непригодные к изданию без доработки. Я, как и другие эпосоведы-филиппинисты из Европы, Азии и Америки, организационно не входила в этот проект, но фактически мы были с ним связаны, так как нам принадлежала существенная доля докладов и публикаций в изданиях по проекту (см., например: [Revel 2013]).

Второй проект, посвященный эпосу ифугао и яттука, мне предложил организовать Национальный музей Филиппин. Предполагалось, что под моим руководством будут работать сказители и обученные в процессе многолетней работы со мной носители культуры из провинции Ифугао. Сенатор Легарда была готова предоставить финансирование проекта из специального фонда

на культурные программы для оплаты расходов и зарплату участникам — гражданам Республики Филиппины. Мы подготовили детальные планы работы и документацию, однако широкомасштабные ревизии фондов Сената и расходов Национального музея и связанные с ними потрясения похоронили проект.

Десять лет назад я организовала и провела в Санкт-Петербурге первую международную конференцию по Филиппинам, посвященную 80-летию моего учителя Г.Е. Рачкова. Она собрала всех филиппинистов России и зарубежных гостей. Профессора из Университета Филиппин, которые принимали в ней участие, недавно праздновали в Маниле годовщину. Вышел толстый том статей под названием “Pilipinas muna! Филиппины прежде всего” [Станюкович 2011] с полной библиографией публикаций по Филиппинам в истории Санкт-Петербурга. Думаю, эту важную веху в развитии филиппинских исследований можно назвать коллективным проектом.

Поле

И все же большинство успешных коллективных проектов, в которых я участвовала, были полевыми.

Свою специальность (этнограф-антрополог-фольклорист) я изначально понимала именно как требующую полевой работы. Однако ни на восточном факультете ЛГУ, где я училась и потом 30 лет преподавала на отделении тагальской (филиппинской) филологии, ни на кафедре этнографии, которую я закончила параллельно с востфаком, методике полевой работы толком не учили. Вернее, на кафедре я прослушала соответствующий курс, но ничего нового из него не узнала. Дело, наверно, было в том, что я с детства росла в среде полевых этнографов, на их рассказах (Т.В. Станюкович, Н.И. Гаген-Торн, С.Н. Могиланская и др.), т.е. впитывала полевую методику естественным образом, как носитель культуры — устную традицию. Конечно, еще были программы сбора полевых данных по темам (помню эти пожелтевшие листы, их было много, на малое и большое декольте).

Шансов на экспедицию на Филиппины не было в советские годы никаких. У одного героя Фазиля Искандера есть такой афоризм: «Что можно сделать, когда ничего нельзя сделать? Делай себя». Я использовала существовавшие тогда широкие возможности участвовать в коллективных экспедициях, этнографических и археологических, внутри СССР, чтобы набрать полевую опыт и пособирать сравнительный материал на интересующие меня темы (связь эпоса с ритуалом и шаманством). Ездил «куда пускали». В 1970–1980-е гг. это были небольшие этнографические экспедиции из 2–3 человек в Узбе-

кистан и Казахстан и более многолюдные археологические — в Туркмению. Моя ситуация была не уникальна: многие коллеги-«зарубежники» действовали подобным образом, некоторые имели «внутрисоветскую» специальность, параллельную основной. Я научилась извлекать у информантов настоящие глубинные знания и представления из-под пресса защитно-идеологически обусловленных (см. подробнее: [Станюкович 2001; 2015]).

В 1987 г. в Ленинград из московской части нашего института (ИЭ РАН) приехал С.А. Арутюнов вербовать испаноязычных полевики в «горящий» коллективный проект по созданию этнографического атласа Кубы. Так я попала в свое первое зарубежное поле — сугубо советское, феерически безумное и абсурдистское во многих отношениях предприятие. Все, кроме меня, были сотрудниками московской части ИЭ: три этнографа и социолог, начальник экспедиции. Вот тут случилось полное несовпадение полевых методов. Социолог в штатском был ветераном полевой работы за рубежом («у меня за плечами 8 экспедиций в тропики!»), он вел опрос по анкетам у идеологически правильных информантов, которых ему собирали по приказу местных партийных органов. Стремление работать в деревнях и поодиночке, обходя крестьянские дома, было ему глубоко противно — он всячески удерживал группу в столице. Нам с А.А. Бородатовой с большой кровью удалось все же вырваться и поработать в провинциях. По окончании экспедиции на нас был написан донос, и все могло закончиться очень плохо, если бы не вовремя наступившая перестройка, лишившая кобру яда. Никакого атласа, конечно, не сделали, результаты наших исследований вышли много позже в скромном сборнике [Александренков 2003]. Однако прекрасная, несмотря ни на что, Куба значительно расширила мой кругозор и обогатила новым опытом.

Наработанный в этих экспедициях опыт мне очень помог, когда я наконец поехала на год к филиппинским горцам в провинцию Ифугао по индивидуальному гранту Wenner-Gren (1994–1995). После первого выезда наступил вынужденный перерыв в несколько лет из-за отсутствия финансирования, однако с начала двухтысячных мои индивидуальные поездки к ифугао и яттука (уже на более короткие сроки, обычно 2–3 месяца в год) возобновились. Помогали гранты Полевой комиссии МАЭ РАН (я и сейчас пишу эту реплику, находясь на Филиппинах благодаря такому гранту). Когда же наступило время коллективных полевых проектов по исследованию ифугао под моим руководством (с 2013 г.), этот опыт оказался небесполезен и для коллег. Позволю себе процитировать одну из участниц проекта: «Опираясь на свой опыт полевой работы в странах с господствующей социалистической идеологией (СССР, Куба),

М.В. Станюкович предлагает описывать отношения между христианством и традиционными верованиями в индивидуальном дискурсе и практиках ифугао как ситуативно обусловленное переключение с одной системы ценностей на другую [Станюкович 2001]. Это созвучно перформативной интерпретации советских дискурсивных практик, разработанной А. Юрчаком, которая позволяет уйти от упрощающих бинарных оппозиций [Yurchak 2005]. Человек, исполняющий традиционные ритуалы и при этом заявляющий о своей христианской принадлежности, не является ни лжецом, ни жертвой репрессивной системы; он гибко использует доступный репертуар дискурсивных формул и практик, выстраивая свою личную траекторию внутри лабиринта повседневных потребностей, престижа и ценностей, политики и экономики» [Касаткина 2015: 268–269].

Все проекты, которыми я руководила, финансировались по лингвистической линии — по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (проект «Создание электронного корпуса фольклорных текстов диалекта тували языка ифугао, провинция Ифугао, Филиппины») и Фонда фундаментальных лингвистических исследований (проект «Сказание пострижения волос — неизвестный жанр ритуального фольклора тували и яттука ифугао, Филиппины»). Каждый длился несколько лет. Помимо меня и А.К. Касаткиной, представлявших антропологию и фольклористику, в первом проекте принимал участие специалист по лингвистическим базам данных Т.А. Архангельский, во втором — специалист по информатике А.А. Чечулин, в поле не ездивший, во всех экспедициях участвовал лингвист С.Б. Клименко. Дискомфорта от разницы наших специальностей никто из нас, кажется, не испытывал, хотя различие подходов ощущалось.

В 2014 г. С.Ю. Дмитренко из ИЛИ РАН предложил мне войти в качестве антрополога в задуманный им КП по полевой лингвистике бахнарических народов Камбоджи, языки и культуры которых находятся под угрозой уничтожения. С 2015 г. начались наши совместные экспедиции, финансируемые РФФИ [Дмитренко 2018]. В поле лингвисты работают в группе, обычно стационарно, на базе в городе Банлунге, я же езжу по деревням с переводчиком-кхмером и веду опросы информантов у них в домах. Третья постоянная участница нашего коллективного проекта, опытный полевой лингвист-фонолог И.В. Самарина, в отличие от С.Ю. Дмитренко, этнографией не интересуется: «Для меня это неструктурируемая информация, мне некуда ее положить». С ней мы работаем параллельными курсами, почти не пересекаемся и прекрасно ладим; каждая из нас имеет общие темы и публикации с С.Ю. Дмитренко. Никакой «конкуренции за информантов» в наших совместных экспедициях не было

никогда. Люди, конечно, разные, одному легко найти информанта и «разговорить» его/ее, другому труднее. Мне легко, поэтому я обычно помогаю в этом другим. Недавно была одобрена наша заявка на более широкую тему — «Лексика материальной культуры австронезийских и бахнарических народов Юго-Восточной Азии», предполагающая ряд экспедиций расширенным составом (два лингвиста, антрополог, искусствовед и студенты-филологи). Меня это немного тревожит: численность полевого отряда, с моей точки зрения, не должна превышать 3–4 человека. В принципе я считаю, что и 4 — уже перебор.

Одинокий волк или член коллектива?

Я привыкла в «свое» поле (т.е. в провинцию Ифугао на Филиппинах, где я работаю с 1990-х гг. и уже всех знаю) ездить в одиночку. Эксперимент, когда под моим руководством там работало трое отличных молодых коллег, был во многих отношениях полезен для меня. В частности, вывел на тему «общий язык и как с ним бороться»: помог выявить некоторые элементы условного языка, сформировавшегося в моем многолетнем общении с информантами [Станюкович 2016]. Однако я еще раз убедилась, что предпочитаю каплей вливаться в местное сообщество и не переключаться, в том числе и в смысле языка. «Двухавторные» наши экспедиции с С.Б. Клименко всегда проходили очень гармонично: мы вместе записали несколько ритуалов, вместе тяжело болели в поле, но в остальное время я все же предпочитала, чтоб мы работали в разных муниципалитетах, даже когда собирали материал на одну тему. Я переключила на С.Б. Клименко несколько своих постоянных информантов, считающих меня родственницей, что позволило мне опрашивать других без их контроля (они, естественно, воспринимают меня как свою собственность и не хотят ни с кем делить).

Недавний (2017–2018) опыт этнографической разведки в новых для меня районах юга Филиппин вместе с участником наших экспедиций в Камбоджу Р.В. Федоровым был также положительным.

Что же касается Камбоджи и Вьетнама, где я не владею ни местными языками, ни сколько-нибудь глубоким знанием культуры страны — тут я готова работать в группе в роли исполнителя.

По большому счету я всю жизнь, с конца 1970-х гг., работаю в одном проекте — архаичный ритуальный эпос ифугао-яттука. Постепенно из моего индивидуального он становился коллективным. Есть у нас гранты или нет (сейчас нет), мы с С.Б. Клименко готовим к публикации тексты записанных мною с начала 1990-х гг. (и нами совместно — с 2013 г.) эпических сказаний яттука. Их очень много. С.Б. Клименко отвечает за лингвистическую, я — за антропологическую и фольклористи-

ческую сторону. В последние годы нам удалось заинтересовать яттуцскими материалами этномузыколога С.Б. Сыченко, первая общая работа с ее нотными расшифровкам уже в печати.

У этого проекта есть еще одна, виртуальная, сторона — создание мультимедийной базы моих полевых данных (текстов, аудио, видео, фото), работу над которой мы начали вчетвером в грантовый период [Чечулин, Касаткина 2014]. Кое-что в этом направлении уже сделано; будет ли продолжение — зависит в значительной степени от того, удастся ли получить финансирование этого коллективного проекта прежде, чем те двое его участников, для которых Филиппины не являются главным делом жизни, окончательно потеряют к нему интерес. :)

Библиография

- Александренков Э.Г. (ред.). Традиционная материальная культура сельского населения Кубы. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. 380 с.
- Дмитренко С.Ю. Бахнарические языки Камбоджи: лексика, грамматика, тексты (по материалам лингвистической экспедиции) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2 (91). С. 159–170.
- Иванова Е.В., Решетов А.М. (ред.). Этикет у народов Юго-Восточной Азии. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 189 с.
- Касаткина А.К. На Филиппины с лингвистами. Экспедиция лета 2014 г. // Мат-лы полевых исследований МАЭ РАН. 2015. Вып. 15. С. 260–279.
- Кон И.С. (отв. ред.). Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. 232 с.
- Станюкович М.В. Когда мужчины-жрецы обращаются к духам-помощникам шаманок: эпос, любовная магия и национальные выборы на Филиппинах // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: Мат-лы междунар. конгресса, посвящ. памяти А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, С.М. Широкогорова. Москва, 7–12 июня 1999 г. Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. 2001. Т. 5. Ч. 3. С. 177–192.
- Станюкович М.В. (отв. ред. и сост.). Pilipinas muna! Филиппины прежде всего! К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 648 с. (Маклаевский сборник, 4).
- Станюкович М.В. Идеологизированный информант и «архивный юноша»-фольклорист // Архипова А.С., Рычкова Н.Н. (ред.). Антрополог глазами информанта / Информант глазами антрополога. М.: Форум, 2015. С. 38–58.
- Станюкович М.В. Полевые методы в экспедициях на Филиппины: общий язык и как с ним бороться // Архипова А.С., Неклюдов С.Ю., Николаев Д.С., Рычкова Н.Н. (сост.). Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX — начало

XXI века): Мат-лы XVI Междунар. школы-конференции по фольклористике, социолнгвистике и культурной антропологии. М.: РГГУ, 2016. С. 71–73.

Станюкович М.В. «Свиной поворот». Рец. на кн.: Jon Henrik Ziegler Remme. Pigs and Persons in the Philippines. Human-Animal Entanglements in Ifugao Rituals. Lanham: Lexington Books, 2014. 161 p. // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 229–251.

Станюкович М.В. (отв. ред. и сост.), *Касаткина А.К.* (ред.). Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира. СПб.: МАЭ РАН, 2015. 344 с. (Маклаевский сборник, 5).

Чечулин А.А., Касаткина А.К. Мультимедийная база данных по фольклору ифугао (Филиппины): постановка задачи и выбор решений // Поддубиков В.В. (отв. ред.). Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. Кемерово, 17–18 октября 2014 г. Кемерово: ИД «Практика», 2014. С. 312–317.

Этнографическая наука в странах Азии: Южная и Юго-Восточная Азия. М.: Наука, 1993. 227 с.

Revel N. (ed.). Songs of Memory in Islands of Southeast Asia. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. 320 p.

Yurchak A. Everything Was Forever until It Was No More. The Last Soviet Generation. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005. 352 p.

АНДРЕЙ ТОПОРКОВ

1

Коллективные проекты в социальных и гуманитарных науках — явление не новое, однако в последние годы оно действительно получило большое распространение. Для этого есть вполне объективные причины.

1. Создание различных картотек, баз данных, лингвистических корпусов, подготовка энциклопедических и справочных изданий, словарей, указателей, многотомных серийных изданий предполагают многолетнюю работу относительно стабильных больших коллективов, способных к самообновлению.

Такие коллективы в РФ существуют главным образом в системе РАН и в ряде университетов. При этом академические структуры, как правило, испытывают сложности с притоком молодых кадров, а университетские ученые вынуждены уделять много времени преподаванию. Решению этих проблем во многом помогает грантовая поддержка.

Андрей Львович Топорков

Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия
atoporkov@mail.ru

2. В рамках многих наук существуют частные субдисциплины. Например, фольклористика включает по меньшей мере семь субдисциплин: 1) изучение истории и поэтики фольклора, 2) теория фольклора, 3) полевая фольклористика, 4) эдиционная фольклористика, 5) музыкальная фольклористика, 6) история фольклористики, 7) преподавание фольклора (фольклористика как учебная дисциплина) [Топорков 2016]. Работа с музыкальным фольклором требует специальной подготовки, которой нет у большинства фольклористов-словесников, а занятия теорией фольклора предполагают знание научных традиций в разных странах, которым не всегда владеют «полевики». «Разделение труда» особенно значимо для тех наук, которые предполагают организацию полевых работ (диалектология, археография, этнография, культурная и социальная антропология, фольклористика, археология и др.). Естественным решением этой проблемы может стать создание такой группы ученых, которые собраны по принципу «семь Симеонов», т.е. так, чтобы каждый из них владел какими-то уникальными навыками, а все вместе они могли добиться нужных результатов.

3. Многократное увеличение объема эмпирических данных делает проблематичным возможность их систематизации и обработки одним ученым или даже небольшой группой ученых. В социальных и гуманитарных науках объем информации возрос настолько, что специалисту бывает трудно уследить даже за основными публикациями по своей узкой теме, не говоря уже о литературе по смежным дисциплинам. Между тем инновационные проекты, как правило, возникают на пограничье разных научных дисциплин и предполагают полноценное владение материалом по разным темам и языковым традициям.

4. В современном мире резко возросла роль IT-специалистов в формулировании и осуществлении научных программ. В случае, когда результатом проекта должен стать некий электронный продукт (база данных, электронный указатель, электронный архив, корпус текстов с определенной разметкой и т.д.), желательно, чтобы специалисты по IT сотрудничали с учеными начиная с самого раннего этапа работы над проектом.

5. Участие в коллективных проектах имеет особое значение для молодых ученых, которые не могут существовать на нищенские аспирантские стипендии или зарплаты. Грантовая поддержка позволяет получать деньги за научную работу и дает определенные жизненные перспективы для человека, который выбрал для себя такой вид деятельности. Молодые ученые, которые участвуют в грантовых проектах, относительно быстро видят результаты своего труда в виде готовых публикаций. Работа в составе коллектива высококвалифицированных специалистов

2

способствует быстрому научному созреванию. Желательно, чтобы работа над проектом включала организацию конференций и школ молодых специалистов, проведение регулярных семинаров и круглых столов.

Коллективные проекты могут осуществляться в рамках научных институций разного уровня, таких как научная школа, отдел, кафедра, лаборатория, группа исследователей, созданная целенаправленно для осуществления определенного проекта.

Научная школа, как правило, имеет признанного лидера или нескольких лидеров, формулирующих общую программу исследований. Школа существует на протяжении длительного времени на базе той или иной академической или университетской институции и при этом вовлекает в орбиту своего влияния сторонних исследователей. В рамках существующей научной школы одна и та же группа исследователей в течение десятилетий может получать гранты в разных фондах, перетасовывая состав участников и формулируя проблемы и задачи в пределах своего направления исследований.

Идеальна такая ситуация, когда группа исследователей, работающих совместно в некоей академической или университетской институции, является одновременно и творческим объединением единомышленников. Такая группа может сложиться, например, когда возникает некая новая структура, а ее организатор имеет возможность принять на работу своих сподвижников и учеников.

Проблема заключается в том, что далеко не каждая формальная группа представляет собой группу единомышленников, которые могут осуществлять общие проекты. К тому же и академические, и университетские ученые часто настолько заняты своей текущей работой, что им просто не под силу выполнять дополнительно грантовые задания.

Обратимся теперь к такой ситуации, когда коллектив создается на ограниченный период времени специально для решения определенной научной задачи и самоликвидируется после достижения этой цели. Если в разных странах есть несколько выдающихся специалистов в данной области, то работа в коллективном проекте позволяет объединить их усилия для получения искомого результата в сжатые сроки.

В качестве примера приведу проект РГНФ, который закончился изданием коллективной монографии «Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы» [Топорков 2017]. Мифологические тексты о святом Сисинии, противостоящем женскому демону, известны в арабской, арамейской, армянской, болгар-

ской, греко-византийской, грузинской, еврейской, коптской, новогреческой, румынской, русской, сербской, сирийской, украинской, эфиопской и некоторых других традициях. Сисиниева легенда распространена на территории Ближнего Востока, Балкан, Кавказа, Северо-Восточной и Восточной Африки. У русских и украинцев Сисиниева легенда трансформировалась в заговоры от лихорадки, которые бытовали на территории Украины и европейской части России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. Эта легенда фиксируется на протяжении примерно полутора тысяч лет: с середины I тыс. н.э. до XX в.

На протяжении примерно 150 лет к Сисиниевой легенде обращались фольклористы, историки литературы и культуры, лингвисты и религиоведы. Ее изучали в таких странах, как Англия, Болгария, Германия, Греция, Израиль, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Финляндия, Франция, США и др. Совокупная библиография публикаций, посвященных Сисиниевой легенде, в настоящее время включает много сотен статей и могла бы стать предметом специального исследования.

В рамках проекта мы поставили перед собой задачу раскрыть историю Сисиниевой легенды во всех основных традициях, в которых известен этот сюжет. При работе над Сисиниевой легендой мы привлекли специалистов по армянскому фольклору из Армении, по румынскому — из Румынии, по греческому — из Греции, а также российских специалистов по иудейской, сирийской, греко-византийской, арамейской, коптской, эфиопской, сирийской, южнославянской, восточнославянской традициям. Исследователи из Румынии, Армении и Греции сумели разыскать в архивах своих стран множество неизвестных ранее текстов. В российских архивах обнаружили не только русские и украинские рукописи заговоров от лихорадки, но и рукописные тексты эфиопских, сирийских и греческих версий Сисиниевой легенды.

Благодаря разысканиям в архивах разных стран и в электронных библиотеках наши первоначальные сведения возросли многократно и результаты нашего исследования во многом оказались неожиданными для нас самих. Регулярные семинары помогли нам найти общий язык и выработать общий подход к материалу. Результатом коллективного исследования стала монография, которую ни один из нас, конечно, не смог бы написать индивидуально. Если бы подобный проект попытались осуществить ученые, проживающие в какой-нибудь другой стране, то их результат существенно отличался бы от нашего, хотя бы потому, что им были бы доступны только в ограниченной степени материалы из российских архивов.

Руководить таким проектом очень интересно, поскольку приходится знакомиться с другими традициями, о которых имел до того поверхностное представление, и сотрудничать с высококвалифицированными специалистами в разных областях. Мои воспоминания о работе над этим проектом имеют исключительно позитивный характер.

Если поискать отрицательные черты, то они связаны с тем, что руководителю приходится тратить много времени на организационные вопросы, подготовку заявки, планов и отчетов. Даже если руководитель получает материалы от других участников проекта, все равно он должен превратить эти материалы в целостную заявку, придумать ее общую концепцию и вогнать эту концепцию в предложенную форму. Могу только позавидовать тем руководителям проектов, за кого все это делает кто-то другой.

3

Мне доводилось руководить проектами по фольклористике, литературоведению, истории науки. В этих проектах участвовали в основном фольклористы, литературоведы и историки разного профиля.

Осуществление того или иного проекта часто предполагает междисциплинарное взаимодействие. Например, фольклористу приходится работать не только с материалом словесного фольклора, но и с лингвистическими данными и произведениями народного искусства. Проекты, связанные с историей науки, требуют определенных знаний не только в области той или иной научной дисциплины, но и в области культурной и социальной истории. Для исследований по мифопоэтике нужна подготовка в области литературоведения, фольклора, мифологии, истории культуры.

В случае, если коллектив формируется руководителем для решения конкретной задачи в рамках определенного научного направления или школы, участники проекта заведомо придерживаются сходных методологических принципов. Если коллектив находит себе руководителя на стороне, то есть большая вероятность, что такой руководитель не будет вникать в суть методологических проблем, а просто будет формально апробировать то, что делают другие участники проекта.

Серьезные проблемы могут возникнуть в ходе экспертной оценки проекта, если, например, эксперты в принципе не допускают возможности предлагаемых подходов, негативно настроены к трудам основателя школы, вообще не признают научную школу, в рамках которой работают участники проекта. Например, фольклористы, ориентированные на изучение классических жанров фольклора, не всегда восприимчивы к про-

ектам, ориентированным на изучение современных неклассических форм словесности, и наоборот. Представители структурно-семиотической фольклористики могут скептически относиться к разысканиям в духе исторической школы и наоборот. Этот перечень можно продолжить.

В рамках одного проекта вполне могут объединиться люди с разными взглядами. Важно, чтобы в ходе реализации проекта актуализировались позитивные качества исследователей и нивелировались их сомнительные качества. Например, если человек является скверным теоретиком и хорошим архивистом, то нужно, чтобы в ходе реализации проекта он проявил себя как архивист, а не как теоретик.

Расхождения теоретических подходов необязательно приводят к взаимному отторжению ученых друг от друга. Наоборот, при умелом руководстве проектом эти расхождения могут дать дополнительные стимулы для научного поиска.

Вообще излишняя унификация в ходе реализации проекта не всегда приводит к желаемым результатам. Совсем неплохо, если участники проекта имеют возможность свободно полемизировать друг с другом. Это побуждает искать лучшие аргументы, проверять свою точку зрения и при необходимости корректировать ее. Полезно, чтобы в семинарах, круглых столах, конференциях участвовали посторонние исследователи с иными подходами и принципами.

Руководитель вынужден считаться с тем, что участники проекта могут выдвигать идеи, которые не во всем совпадают друг с другом. Если речь идет об изложении конкретных фактов, корректности цитации, полноте использования литературы вопроса и т.п., то руководитель имеет возможность настаивать на доработке того или иного текста. Однако если речь идет о принципиальных расхождениях, связанных с пониманием природы изучаемых объектов, бывает более рационально признать, что и другая точка зрения имеет право на существование. Взаимная толерантность и готовность уважительно отнестись к чужой точке зрения — важные предпосылки реализации проекта, в котором участвуют представители разных наук, школ и поколений.

Если конечным результатом проекта является коллективная монография, то итоговые выводы, как правило, формулирует руководитель, однако другие участники проекта вполне могут высказывать какие-то точки зрения, не совпадающие с точкой зрения руководителя. Если в разных главах книги высказываются мнения, которые несколько противоречат друг другу, то это вовлекает читателя в научный поиск. К тому же сложные

проблемы подчас объективно допускают различные решения. Излишняя унификация в гуманитарной сфере не всегда оправдана.

Если по условиям гранта в нем необходимо участие определенного процента молодых ученых, то это порождает проблемы главным образом в академических институтах, в то время как в университетах набрать магистрантов и аспирантов, как правило, не составляет большого труда.

Для участия в проекте подчас приходится приглашать аспирантов первого и второго годов обучения, хотя нет никакой уверенности в том, что тот или иной аспирант не бросит аспирантуру. Наверное, каждый руководитель проекта РНФ может рассказать историю про аспиранта, который получил 100 (200, 300) тысяч рублей, но при этом ничего не написал и просто уехал в другой город.

По правилам РНФ, если у аспиранта закончился срок аспирантуры или он защитил диссертацию, то он должен быть исключен из проекта, а на его место нужно взять другого аспиранта. Очевидно, что если это произойдет на третьем году проекта, то новый участник просто не успеет как-нибудь себя проявить за оставшееся время.

В проекте РНФ, которым я руководил, были такие аспиранты, которые успешно публиковались по гранту и своевременно защитили кандидатские диссертации. Однако были и такие случаи, когда молодые исследователи вообще не считали нужным выдавать какую-нибудь научную продукцию, так как полагали, что их включили в проект просто для статистики как «мертвые души». Реальная ситуация часто располагается где-то между этими двумя полюсами.

Далеко не все аспиранты и молодые сотрудники могут писать тексты на одном уровне с кандидатами и докторами наук. Чтобы получить от них тексты, соответствующие высоким стандартам, нужно работать с ними, побуждать их участвовать в семинарах, организовывать взаимное рецензирование и т.д.

При формировании коллективных трудов часто возникает дилемма в связи с тем, что статья участника проекта, которая написана по плану работы над проектом, не соответствует научному уровню издания, однако если ее отклонить, то не будет выполнен план, как индивидуальный, так и всего коллектива. Не всегда удается добиться того, чтобы статьи «своих» авторов и авторов сторонних оценивались на основе одной и той же шкалы. К сожалению, систему двойных стандартов преодолеть очень трудно, поскольку сотрудники не заинтересованы в том, чтобы портить отношения друг с другом. В какой-то мере

можно решить эту проблему, осуществляя круговое рецензирование и привлекая посторонних рецензентов и ответственных редакторов. Руководитель проекта не должен бояться брать на себя ответственность за отклонение слабых статей в любом случае, кто бы ни был автором этих статей.

В 2014–2018 гг. я руководил проектом РНФ «“Вечные” сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма». Для меня это был интересный опыт, поскольку я был единственным участником проекта, который имел подготовку в области фольклористики, а все остальные участники были литературоведами, специалистами по Серебряному веку. Общая идея заключалась в том, чтобы установить факты использования сюжетов и образов мифологии и мировой литературы в творчестве русских писателей и художников 1900–1920-х гг., пути исторических трансформаций «вечных» сюжетов и образов в России периода войн, революций, социальных и политических трансформаций, причины их актуализации и переосмысления.

Коллективный проект с большим числом участников позволил провести ряд масштабных конференций, круглых столов, организовать регулярный семинар, в рамках работы над проектом была создана книжная серия «“Вечные” сюжеты и образы». Участники проекта провели четыре международных научных конференции и издали четыре коллективных монографии:

1. На конференции «“Вечные” сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма» (ИМЛИ РАН, 27–28 апреля 2015 г.) выступили 37 ученых, в том числе исследователи из Польши, Франции, Латвии. По итогам конференции опубликована коллективная монография: [Топорков 2015].
2. На конференции «Мифологические образы в литературе и искусстве» (ИМЛИ РАН, 29–30 апреля 2014 г.) выступили 55 докладчиков из Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, Тамбова, а также из США, Италии, Франции, Германии. По итогам конференции опубликована коллективная монография: [Надъярных, Глухова 2015].
3. На конференции «Утопия и эсхатология в литературе, искусстве и философской мысли русского модернизма» (ИМЛИ РАН, 25–27 июня 2015 г.) было заслушано 87 докладов, с которыми выступили ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Твери, Екатеринбурга, Иваново, Орла, Новосибирска, Севастополя, Уфы, Ставрополя, а также из США, Польши, Черногории, Китая, Молдовы, Венгрии, Испании, Индии, Бельгии. По итогам конференции подготовлена коллективная монография: [Богданова, Гачева 2016].

4. В конференции «Новый Завет в русской литературе, искусстве, общественной мысли первой трети XX в.» (ИМЛИ РАН, 21–23 ноября 2017 г.) приняли участие 105 исследователей из России, Польши, Сербии, Черногории, Белоруссии, Украины, Китая и др. В 2018 г. издана коллективная монография: [Богданова, Гачева 2018]. В монографии, включающей 44 статьи, проанализированы трактовка образа Иисуса Христа в художественных и философских текстах эпохи, художественная рецепция ключевых событий Евангельской истории, характеристика основных ее участников. Ряд статей касается «Откровения Иоанна Богослова» и статуса этого текста в культуре Серебряного века, особенностей переосмысления таких образов, как «град Вавилон», «Великая блудница», «Жена, облеченная в солнце», «тысячелетнее царство», «Небесный Иерусалим» и т.д.

Участники проекта широко привлекали архивные материалы А.А. Блока, Вяч. Иванова, А. Белого, С.А. Есенина, А.Н. Толстого, в том числе из рукописного отдела ИМЛИ РАН, рукописного отдела Пушкинского Дома и из зарубежных архивов (Рим, Лондон, Дорнах), ввели в научный оборот неизвестные ранее автобиографические произведения Андрея Белого, ранние произведения А.Н. Толстого, автограф поэмы С.А. Есенина «Пугачев», хранящийся в Лондоне. Апробации полученных результатов способствовали выступления участников проекта на конференциях за рубежом (Австрия, Великобритания, Венгрия, Испания, Италия, Китай, Польша, Швейцария, Эстония, Япония).

В ходе работы над проектом проводились круглые столы, направленные на обсуждение работ молодых специалистов. Каждый из них заранее предоставлял свой доклад, с которым могли познакомиться все участники проекта, а двое из них выступали в качестве дискуссионщиков. Молодой ученый не зачитывал свой текст, а только кратко излагал его основные тезисы. После этого происходило подробное обсуждение, в котором принимали участие и официальные дискуссионщики, и остальные участники проекта. При такой организации круглого стола интерес закономерно перемещается с докладов на их обсуждение, а выступления в дискуссии могут быть интереснее, чем сами доклады.

Библиография

- Богданова О.А., Гачева А.Г. (сост. и отв. ред.). Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. 712 с., ил. («Вечные» сюжеты и образы, 3).
- Богданова О.А., Гачева А.Г. (сост. и отв. ред.). Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2018. 720 с., ил. («Вечные» сюжеты и образы, 4).

- Надъярных М.Ф., Глухова Е.В.* (отв. ред.). Мифологические образы в литературе и искусстве. М.: Индрик, 2015. 384 с., ил. («Вечные» сюжеты и образы, 2).
- Топорков А.Л.* (отв. ред.). «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М.: Индрик, 2015. 416 с., ил. («Вечные» сюжеты и образы, 1).
- Топорков А.Л.* Фольклористика в междисциплинарном диалоге // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М.: Наука, 2016. С. 23–41.
- Топорков А.Л.* (отв. ред.). Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М.: Индрик, 2017. 855 с., ил.

ОЛЬГА ХРИСТОФОРОВА

1

Нельзя сказать, что когда-то наука была уделом одиночек, а затем стала коллективным делом. Всегда были и те и другие — и пифагорейцы, и Гераклит, и кружок Малиновского, и Рэдклифф-Браун. Здесь важны многие факторы: черты личности ученого, тема и характер исследования, институциональные возможности, внешний «заказ». Наука вообще весьма подобна монашеству — есть общежительные монастыри и есть скиты отшельников, и у каждого пути есть свои преимущества и недостатки. На мой взгляд, если бы наука развивалась без активного государственного вмешательства, то в гуманитарных и социальных науках «скиты» преобладали бы до сих пор. Характер исследований в этих областях вполне соотносим с индивидуальной работой, более того, она кажется даже более подходящей большинству тем из того спектра, что существовал в XX в. (если ограничиваться только этим временем), да и до сих пор существует. Я бы не согласилась с мнением, что время ученых-одиночек прошло. Антропологическое и (качественное) социологическое поле до сих пор преимущественно для одиночек; история, литературоведение, искусствоведение предполагают погружение в тексты — возможно ли это в коллективе? Сны мы видим индивидуально, шаманы камлают поодиночке, художник творит в тишине. А если нет —

Ольга Борисовна Христофорова
Российский государственный
гуманитарный университет /
Российская академия народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
Москва, Россия
okhrist@yandex.ru

то это уже другой формат: школа или ремесленная мастерская, иерархичная структура, где обязанности распределены и ранжированы, где знания и навыки — предмет не только обмена, но и движения сверху вниз, от мастера / учителя к подмастерьям / ученикам, делающим львиную долю подсобной, «черной» работы.

Что происходит в российской науке в последние десятилетия? Коммерциализация и бюрократизация. Лет пять назад у меня появилось (и с тех пор не уходит) странное ощущение, что я работаю в каком-то не том заведении, в котором начинала работать 20 лет назад — в чем-то из области маркетинга, не науки. Действительно, поступить в аспирантуру в начале 1990-х в один из лучших гуманитарных университетов страны, фактически в башню из слоновой кости, где в тот момент собралось звездное сообщество ученых, и вдруг оказаться на рынке, где нужно что-то умело продавать, по меньшей мере странно и не то чтобы очень радостно. Таким навыкам не учили. При этом в университете нужно продавать и «образовательные услуги», и «научный продукт», и это происходит очень по-разному. Если говорить об образовании, то наблюдается наложение двух противоположных тенденций. С одной стороны, как и раньше, кафедры или отдельные профессора стремятся включать студентов и аспирантов в совместную научную деятельность, в том числе грантовые проекты, при этом учеба становится временем не просто получения знаний и навыков, но и погружения в академическую среду как особую (суб)культуру производства знания. Защита диплома или диссертации в таком случае — финальный этап инициации, завершающий долгий период ученичества, искусства, создания фактически новой личности, включающейся затем в свой «ремесленный цех» уже в ином, более высоком статусе. С другой стороны, вузы постепенно дрейфуют в сферы услуг, когда «клиент всегда прав», когда «отсев» «неподходящих для ремесла» молодых людей фактически не может осуществляться — сессии продлеваются до бесконечности, дипломы вручают незаслуженно ровно потому, что студенты приносят вузам средства, личные или бюджетные. Еще одним важным фактором, влияющим на эти процессы, оказывается сайентерство — необычайная популярность разнообразных научно-образовательных платформ, существующих онлайн и офлайн, доступных и платных. Года три-четыре назад стала заметна тенденция, когда стали поступать в магистратуру или на второе высшее люди взрослые, решившие поменять профессию или просто получить определенный набор знаний «для себя». Они, за редким исключением, не мотивированы на научную карьеру, не относятся всерьез к процессу обучения и вовсе не готовы к «переформатированию» себя под цеховые правила. Возможно, не так уж и плохо нести миру свет знаний, просвещать желающих просве-

таться, но когда это происходит не на научно-популярных площадках, специально для этого созданных, а в постоянном режиме в стенах университетов, то это очень плохо сказывается на мастерах: фрустрация, уныние, выгорание, ощущение бессмысленности своей работы — то, что я наблюдаю в университетах у своих коллег, является во многом результатом нарушения нормальной цеховой преемственности ремесла.

Если говорить о создании и продаже «научного продукта» (общая область для вузов и академии), то одна из важных проблем состоит в том, что этот «продукт» оценивается только по внешним наукометрическим параметрам. Оценка действительной научной значимости делегируется внешним экспертам — рецензируемым журналам, экспертным советам и пр. Внутри вузов эта оценка не обсуждается и принимается как данность, а мнение научного сообщества самого университета не учитывается. При этом монетизируются именно эти внешние параметры. Ни один коллектив не свободен от внутренних разногласий и соперничества, но перед лицом «внешнего врага» все это отступает на второй план и «своих не сдают», что, как кажется, создает почву для разного рода отступлений от научной этики и т.п. В академии, похоже, происходит примерно то же самое.

Все эти проблемы имеют самое непосредственное отношение к тому, как формулируются, оформляются и реализуются проекты. Однако, на мой взгляд, распространение коллективных проектов в социальных и гуманитарных науках зависит не столько от коммерциализации образования и академической деятельности, сколько от стремления государственных структур контролировать финансовые потоки и (хотя и в меньшей степени) идеологию исследований. Управлять коллективами легче, чем множеством одиночек. Так что, на мой взгляд, переформатирование научных проблем гуманитарного и социального характера, их обобщение, унификация скорее следствие внешнего давления, а не внутренняя потребность.

2

Если говорить о моем опыте участия в разных проектах, то положительные воспоминания связаны прежде всего с индивидуальными проектами. В 1990–2000-х гг. я делала исследования при поддержке разных фондов — Джорджа Сороса, INTAS, Мак-артуров, ASLS, Герды Хенкель. Преимущества такой работы в том, что ты сам себе хозяин, дизайн исследования делаешь на свой вкус, работаешь в удобном режиме, свободно планируешь время и силы. Отчитываться тоже приходится самостоятельно, что вообще-то неплохо, нервы целее. Опыт коллективных проектов у меня тоже есть, причем разный. В 1990-е гг. старшие коллеги включали меня как аспиранта в грантовые проекты, делалось это обычно ради двух вещей — ради результата или ради процесса

(в идеале и того и другого, но такие аспиранты редко встречаются). Для результата нужно было принести публикации и потом получить какие-то деньги (весьма небольшие) либо нужно было делать кучу технической работы за старших коллег. В обоих случаях о коллективной работе говорить трудно, но, может быть, это мне так не повезло. В 2010-х гг. я несколько раз была руководителем и замуководителя больших коллективных проектов, финансируемых РФ, Минобрнауки, внутренними университетскими грантами. По сути дела, это был такой не вполне настоящий колхоз — на ограде написано «колхоз», а зайдешь внутрь — каждый возделывает свою делянку: кто морковь растит, кто пшеницу, кто ямс, кто кофе, кто-то мотыгой орудует, кто-то плугом, кто-то на своих шести сотках трактор пытается развернуть (а приглядитесь — нет, не на шести, там целых 12, только другие шесть — на территории соседнего колхоза, а забор на своей делянке хозяин убрал — мешает трактору). Разве что климат на всех делянках одинаковый и удобрения одни и те же. Шутки шутками, но такой «квазиколхоз» нередко оказывается удобным и грантодателям, и участникам — первым виднее крупная производственная единица и понятнее, чем она занимается, особенно если во главе известный ученый, а вторые занимаются тем, что делали бы и вне проекта, но тут дополнительные (как правило, жизненно необходимые) бонусы. Такая ситуация обычна для уже существующих коллективов, где есть теоретико-методологическое единство, где все друг друга знают и не нужно выработать консенсус. Но есть и издержки — иногда для руководителя. Координировать процесс, писать заявку и отчеты, тормозить коллег, чтобы успевали в срок, устранять разнообразные косяки — все это крайне энергозатратно и не всегда компенсируется финансово. Но это мой опыт. Я знаю и обратные ситуации, когда такая координация лежит на «среднем» звене, а руководители или совсем ни в чем не участвуют, будучи «свадебными генералами» (но и, к чести некоторых таких руководителей, надо заметить, отказываются от выплат по гранту), или получают изрядную долю финансирования, особо не утруждаясь. В подобных проектах коллективность выгоднее руководителю, но исполнителям деваться некуда, без звучного имени их «колхоз», скорее всего, вообще не откроют.

Сложнее ситуация с проектами, имеющими прикладной характер и направленными на обработку большого массива данных. Здесь нужно всем работать на общем поле, но необходима не столько синергия, сколько две вещи: четкое распределение ролей (уже не простая структура мастер / подмастерье, а более сложная система: интервьюеры, расшифровщики, дизайнеры, программисты, юрист, бухгалтер и пр.) и сложная техника (мотыгой не обойтись, нужен продвинутый трактор, комбайн,

молотилка и пара грузовиков). Руководить такой сложной структурой непросто, конечно. Но зато это коллективный проект в истинном смысле слова.

3

Однажды пришлось войти в состав авторов коллективной монографии на тему, сформулированную достаточно широко. В работе участвовал международный коллектив ученых — историки, политологи, этнологи, антропологи разных направлений и школ. В каком-либо обсуждении формата, идеологии, рамок лично я не участвовала, редакция моего раздела была чисто технической. Книга в итоге представляет собой сборник отдельных статей, объединенных общей темой (впрочем, книга получилась весьма интересная).

4

У меня есть опыт и коллективной, и индивидуальной полевой работы. У той и другой есть свои преимущества. Индивидуальная предпочтительнее при долговременной работе в локальном сообществе, коллективная — когда нужно охватить за небольшой срок приличную территорию и собрать массив данных, часто при этом работа идет по определенной программе, используются опросники, анкеты, что позволяет привлекать к проекту и не вполне квалифицированную силу, чаще всего студентов. Если это студенческая практика, то все относительно просто, это уже описанная ситуация мастера и подмастерьев, когда учеба происходит и перед выездом в поле, и в процессе интервью, и на вечерних «разборах полетов», и при написании полевых дневников, расшифровке материалов и пр. Конфликты, конечно, случаются, но есть отработанные техники их профилактики и решения.

Другое дело, когда в поле, со студентами или без (хотя с этим я сталкивалась реже), отправляется несколько «взрослых» исследователей. Здесь возможны конфликты равных по статусу персон, разрешение которых может быть очень непростым. В крайнем случае люди разъезжаются либо делят территорию так, чтобы не пересекаться. Если это полевая работа, предполагающая охват большого числа информантов на солидной территории (как описано выше), то все проще. Хуже, когда это одно сообщество и основной метод — включенное наблюдение и глубинные интервью. Разойтись не очень получится, поэтому о методах и принципах работы лучше договариваться «на берегу», хотя и на месте можно, а в случае чего попытаться найти консенсус. Но в такое поле обычно, как мне представляется, едут исследователи, чьи интересы изначально различаются, дисциплинарно или хотя бы тематически, поэтому конкуренция вряд ли возникнет. Можно вспомнить комплексные экспедиции, например Хорезмскую экспедицию ИЭ РАН под руководством (до 1976 г.) С.П. Толстова, куда входили археологи, этнографы, фото-

графы, художники. Она стала не просто грандиозным научным проектом (работала в 1937–1991 гг., ее участниками было сделано много научных открытий), но и культовым явлением в среде советской научной и творческой интеллигенции.

Нужно вспомнить и комплексные археографические экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством И.В. Поздеевой. Начатые в 1966 г. в Тверской и Горьковской областях, в полной мере они развернулись в открытом в их ходе в 1972 г. Верхокамье, историко-культурном регионе на границе Пермской области и Удмуртии. Это был, по определению археографов, регион первой категории сохранности традиционной культуры (см.: [Поздеева 1978]), поэтому к изучению последней были привлечены разные специалисты, кроме археографов, историки, филологи, искусствоведы, этнографы, музыковеды, лингвисты, фольклористы, социологи. Хотя целью экспедиций было прежде всего собирание старообрядческих книг и рукописей и руководили процессом археографы, изучалась и среда бытования книжности, так что и другие стороны традиционной культуры старообрядцев Верхокамья стали предметом исследования (хозяйство, материальная культура, язык, фольклор и пр.).

Я с 1999 г. участвовала в нескольких коллективных экспедициях в Верхокамье, воспоминания о них замечательные, могу отметить лишь несколько моментов, которые затрудняли работу: участники экспедиции, если она была многолюдной, жили, как правило, вместе в отдельном доме, что отдаляло от местных жителей; во время коллективной беседы с информантом времени на вопросы по всем темам может не хватить, нужно приходить еще раз и лучше отдельно, но на это не всегда хватало времени; на каждый населенный пункт обычно приходится по 3–4 дня, чего лично мне было недостаточно. И хотя во время коллективных выездов в Верхокамье я собрала интересные сведения о местной мифологии и демонологии (которая была по некоторым причинам мало изучена моими предшественниками), все же основной корпус материалов для обеих своих книг я получила, когда приезжала одна, жила «в людях» и погружалась в их жизнь, ни на что не отвлекаясь.

5

При подготовке, проведении, расшифровке материалов совместных экспедиции мы с коллегами иногда пользуемся Dropbox. Обычно же все совместные дела — подготовка конференций, отчетов, сборников, выпусков журнала — делаем на Гугл-диске, что вполне удобно для одновременной работы онлайн.

Библиография

Поздеева И.В. Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации // История СССР. 1978. № 2. С. 103–115.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Время ученых-одиночек не прошло! Так считают участники нашего обсуждения, и нам в редакции было отрадно прочитать это в их ответах. Более того, некоторые из авторов этого «Форума», в ста процентах случаев имеющих опыт коллективных проектов, в своих репликах отдали предпочтение индивидуальной работе. Так, Ольга Христофорова написала: «На мой взгляд, если бы наука развивалась без активного государственного вмешательства, то в гуманитарных и социальных науках “скиты” преобладали бы до сих пор. Характер исследований в этих областях вполне соотносим с индивидуальной работой, более того, она кажется даже более подходящей большинству тем из того спектра, что существовал в XX в. (если ограничиваться только этим временем), да и до сих пор существует. <...> Антропологическое и (качественное) социологическое поле до сих пор преимущественно для одиночек». Сходного мнения придерживается Мария Станюкович. Ее сравнение коллективных проектов с «крестьянской общиной нового порядка» перекликается с метафорой «колхоза», использованной Ольгой Христофоровой. Андрей Мороз убежден, «что коллективные проекты следует предпринимать лишь тогда, когда в том есть острая и неизбежная необходимость». Елена Перехвальская, говоря об экспедициях, указала, что «чем более “гуманитарной” и чем менее структурированной является область знания, тем менее она поддается коллективному исследованию».

Мария Станюкович обратила внимание на то, что нынешние коллективные проекты — не новость, припомнив стремление советской науки к коллективизму. То же отметила и Александра Касаткина, которая проследила истоки современных проектов не только в советском прошлом, но и в Гарварде 1950-х, как, впрочем, и Ольга Христофорова, которая указала, что всегда были

Ольга Юрьевна Бойцова
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
boitsova@gmail.com

и группы, и одиночки: «и пифагорейцы, и Гераклит, и кружок Малиновского, и Рэдклифф-Браун». Однако Александра Касаткина обозначила два отличия современного положения по сравнению с прошлым. Во-первых, это растущие сложности получения индивидуального гранта по сравнению с коллективным. Одну из причин такой ситуации назвала Ольга Христофорова: грантодателям «виднее крупная производственная единица и понятнее, чем она занимается, особенно если во главе известный ученый». Она написала: «На мой взгляд, распространение коллективных проектов в социальных и гуманитарных науках зависит <...> от стремления государственных структур контролировать финансовые потоки и (хотя и в меньшей степени) идеологию исследований. Управлять коллективами легче, чем множеством одиночек».

Во-вторых, как говорит Александра Касаткина, новым фактором, вступившим в игру в наши дни, является «цифровизация» гуманитарной сферы, которая подразумевает работу над электронными архивами, онлайн-платформами и исследовательскими инструментами в сотрудничестве с программистами: своими силами представителям гуманитарных и социальных наук тут не справиться. О том же свидетельствуют наблюдения Андрея Топоркова: «В современном мире резко возросла роль IT-специалистов в формулировании и осуществлении научных программ. В случае, когда результатом проекта должен стать некий электронный продукт (база данных, электронный указатель, электронный архив, корпус текстов с определенной разметкой и т.д.), желательно, чтобы специалисты по IT сотрудничали с учеными начиная с самого раннего этапа работы над проектом». Андрей Топорков в своих ответах перечисляет пять причин распространения коллективных проектов, но именно эта выделяется среди них как отличающая современное положение вещей от ситуации, скажем, XX века. Александра Касаткина в своей реплике отдельно отмечает, на что представителям социальных и гуманитарных наук стоит обратить внимание при совместной работе с программистами.

Еще один фактор распространения коллективных проектов называет Андрей Мороз: «все более растущий интерес разного рода корпоративных структур к прикладным проектам, в которых требуются усилия коллективов ученых», что связано с развитием в России прикладной антропологии.

Большинство авторов «Форума» написали о безусловной пользе коллективных проектов для их молодых участников: студентов и аспирантов. Александра Касаткина даже предположила, что «полевые школы-экспедиции с участием студентов и молодых исследователей заслуживают специальной грантовой под-

держки». Ну так они нередко ее и получают. Однако с привлечением молодых возникают проблемы, которые тоже не были обойдены вниманием. Андрей Топорков указал на эти проблемы с точки зрения руководителя («если у аспиранта закончился срок аспирантуры или он защитил диссертацию, то он должен быть исключен из проекта, а на его место нужно взять другого аспиранта», «были и такие случаи, когда молодые исследователи вообще не считали нужным выдавать какую-нибудь научную продукцию, так как полагали, что их включили в проект просто для статистики как “мертвые души”») и «далеко не все аспиранты и молодые сотрудники могут писать тексты на одном уровне с кандидатами и докторами наук»), а Ольга Христофорова, вспоминая свой опыт, — с точки зрения молодого исполнителя («нужно было принести публикации и потом получить какие-то деньги (весьма небольшие) либо нужно было делать кучу технической работы за старших коллег. В обоих случаях о коллективной работе говорить трудно»).

Как видим, наши участники были довольно единодушны, обрисовывая место и роль коллективных проектов в современных социальных науках. Их ответы различались в оценках происходящих изменений. Так, Оксана Кривенко оценивает коллективные проекты однозначно положительно и даже про диссертации своих коллег пишет: «Возможно, если бы эти исследования выполнялись коллективно, были бы получены более значимые и даже впечатляющие результаты». Напротив, Мария Станюкович настроена по отношению к нынешней «коллективизации» критически. Даже на разделение труда внутри проекта, которое Никита Петров и Елена Перехвальская описывают нейтрально, она смотрит скептически: «один предоставляет свое имя для “проходимости” грантовой заявки, другой берет на себя поиск подходящего гранта, третий — написание оной, четвертый — бухгалтерию, икс и игрек приглашены для соответствия требованиям по возрасту и месту и т.д.».

Типологии коллективных проектов, которые в своих ответах предложили участники из разных дисциплин, тоже отчасти совпадают: «коллективный проект как зонтик для индивидуальных инициатив» у Никиты Петрова — это «проект “ad hoc”» у Елены Перехвальской. В типологию Никиты Петрова попали также «коллективный проект как выработка общего языка», «коллективный проект как сборочный цех» и даже коллективные проекты в смысле слов Е.М. Мелетинского: «Наука — это дело коллективное». С этим высказыванием в широком смысле согласились бы, наверное, все участники нашей дискуссии. Мария Станюкович, которая в своих ответах выступает против идеи навязанной, «бюрократической» коллективности, положительно отзываясь о научных форумах и школах, где «про-

исходит обсуждение и “обкатывание” новых данных и теорий, формируются творческие союзы, выходят тематические труды».

Среди названных участниками «Форума» проблем коллективных проектов я бы выделила проблему плохих текстов, на которой специально останавливается Андрей Топорков. Как быть, если поданный исполнителем текст по качеству не годится для печати, но в случае его отклонения команде будет нечем отчитываться? Как «дотянуть» тексты молодых коллег до уровня работ опытных участников проекта? Как бороться с двойными стандартами в условиях, когда сотрудники не хотят портить отношения друг с другом? Наш автор делится своим опытом преодоления этих проблем: тут могут помочь круглые столы с обсуждением работ молодых специалистов, круговое рецензирование с привлечением посторонних рецензентов, а также смелость руководителя, который «не должен бояться брать на себя ответственность за отклонение слабых статей в любом случае, кто бы ни был автором этих статей». Я могу добавить из своего опыта участия в коллективных проектах, что даже простой внутренний семинар, на котором сами участники обсуждают тексты по ходу написания, способствует улучшению качества этих текстов по сравнению с ситуацией, когда руководитель впервые видит отчетные статьи накануне подачи отчета.

Но не все проблемы в процессе работы обязательно должны быть решены, а углы — сглажены. Так, Андрей Топорков пишет, что «излишняя унификация в ходе реализации проекта не всегда приводит к желаемым результатам», а «если в разных главах книги высказываются мнения, которые несколько противоречат друг другу, то это вовлекает читателя в научный поиск». Александра Касаткина вслед за социологами Дж. Вассер и Л. Бреслер предлагает «смотреть на групповую работу, ее динамику и множественность как на нормальное состояние с большим потенциалом, а не как на хаос, который нужно как можно скорее привести к общему знаменателю и стабилизировать».

В ответах на четвертый вопрос, посвященный полевой работе, несколько участников дискуссии (Елена Перехвальская, Мария Станюкович, Александра Касаткина) противопоставили фольклорные и антропологические экспедиции лингвистическим, а Елена Перехвальская еще и подробно объяснила различия индивидуальных и коллективных лингвистических экспедиций, сделал экскурс и их историю. Из названных авторами «Форума» экспедиционных трудностей, возникающих в результате нахождения в поле целой группы исследователей, стоит отметить проблемы, связанные с тем, что у информантов до тебя уже успели побывать твои коллеги, представляющие другую дисциплину или другой подход. Трудно приходиться «после», потому

что до тебя были заданы иные стандарты общения (Вадим Лурье) или даже потому что информанты, наученные встречей с твоими предшественниками, ждут от тебя оплаты (Александра Касаткина).

К сожалению, не все авторы «Форума» ответили на пятый вопрос, и большинство в своих репликах написали только об использовании Гугл-документов: специальное программное обеспечение не пользуется популярностью среди участников дискуссии. Однако Александра Касаткина и Никита Петров описали свой опыт с разными программными продуктами, и их советы могут пригодиться читателям.

Редколлегия благодарит всех участников обсуждения за то, что посреди своих (у некоторых многочисленных) коллективных и индивидуальных проектов они нашли время поделиться положительным и отрицательным опытом, соображениями и лайфхаками и дать нам возможность заглянуть на свою кухню.

Ольга Бойцова

Forum: Collaborative Projects in the Social Sciences

The Editorial Board asked the authors of the “Forum” (a written round-table) who had participated in collaborative projects to answer questions such as: why has this form of academic work become widespread, what are its merits and drawbacks, and what challenges does it reveal in a multidisciplinary context. A collaborative fieldwork-based research project represents a special case as there may arise conflicts regarding methodologies, techniques, habits, ethical procedures as well as a “competition for informants”. Participants of the “Forum” share their positive and negative experiences with collaborative projects.

Keywords: collaborative projects, fieldwork, multidisciplinary.

References

- Aleksandrenkov E. G. (ed.), *Traditsionnaya materialnaya kultura selskogo naseleniya Kuby* [Traditional Material Culture of the Rural Population of Cuba]. Moscow: IEA RAS, 2003, 380 pp. (In Russian).
- Antonyuk V. G., *Zamovlyannya v movnointonatsiyniy sistemi ukrainskoi narodnoi poezii ta pobutovomu vzhitku* [Incantations in the Linguistic Intonation System of Ukrainian Folk Poetry and Household Use]: Abstract diss. ... cand. philol. Kiev, 1995, 20 pp. (In Ukrainian).

- Bogdanova O. A., Gacheva A. G. (comps., eds.), *Utopiya i eskhatologiya v kulture russkogo modernizma* [Utopia and Eschatology in the Culture of Russian Modernism]. Moscow: Indrik, 2016, 712 pp., ill. (In Russian).
- Bogdanova O. A., Gacheva A. G. (comps., eds.), *Novozavetnye obrazy i syuzhety v kulture russkogo modernizma* [New Testament Imagery and Plots in the Culture of Russian Modernism]. Moscow: Indrik, 2018, 720 pp., ill. (In Russian).
- Chechulin A. A., Kasatkina A. K., 'Multimedijnaya baza dannykh po folkloru ifugao (Filippiny): postanovka zadachi i vybor resheniy' [Multimedia Database of Ifugao Folklore (Philippines): Research Question and Its Solutions], Poddubikov V. V. (ed.), *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruyushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoy politiki* [Underexplored Ethnoses in the Space of a Dominating Society: A Practice of Applied Research and Effective Instruments of Ethnic Policy]: A collection of articles of the Russian scientific and practical conference, Kemerovo, October 17–18, 2014. Kemerovo: "Praktika" Publishing House, 2014, pp. 312–317. (In Russian).
- Dmitrenko S. Yu., 'Bakhnaricheskie yazyki Kambodzhii: leksika, grammatika, teksty (po materialam lingvisticheskoy ekspeditsii)' [Bachnaric Languages of Cambodia: Words, Grammar, Texts (based on a linguistic expedition)], *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, no. 2 (91), pp. 159–170. (In Russian).
- Etnograficheskaya nauka v stranakh Azii: Yuzhnaya i Yugo-Vostochnaya Aziya* [Ethnographic Science in Asian Countries: South and South-Eastern Asia]. Moscow: Nauka, 1993, 227 pp. (In Russian).
- Geertz C., *After the Fact: Two Countries, Four Decades, One Anthropologist*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995, 198 pp.
- Ivanova E. V., Reshetov A. M. (eds.), *Etiket u narodov Yugo-Vostochnoy Azii* [The Etiquette of Peoples of South-Eastern Asia]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999, 189 pp. (In Russian).
- Kasatkina A. K., 'Na Filippiny s lingvistami. Ekspeditsiya leta 2014 g.' [To the Philippines with Linguists. Fieldwork of Summer 2014], *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN*, 2015, no. 15, pp. 260–279. (In Russian).
- Kasatkina A. K., 'Na puti k otkrytym kachestvennym dannym' [On the Road towards Open Qualitative Data], *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal "Istoriya"*, 2016, vol. 7, no. 7. <<https://history.jes.su/s207987840001678-4-1>>. doi: 10.18254/S0001678-4-1. (In Russian).
- Kasatkina A., Vasilyeva Z., Khandozhko R., 'Thrown into Collaboration', Estalella A., Criado T. S. (eds.), *Experimental Collaborations: Ethnography through Fieldwork Devices*. New York; Oxford: Berghahn, 2018, pp. 132–153.
- Kennedy E., 'In Pursuit of Connection: Reflections on Collaborative Work', *American Anthropologist*, 1995, vol. 97, no. 1, pp. 26–33.
- Khomik O. E., *Ukrainskiy verbalniy obereg: semantika i struktura* [The Ukrainian Verbal Amulet: Semantics and Structure]: Abstract diss. ... cand. philol. Kharkiv, 2005, 20 pp. (In Ukrainian).
- Kibrik A. E., 'Opyt OTiPLa (filfak MGU) v izuchenii maloopisannykh yazykov' [The Experience of the OTiPL (Philological faculty of Moscow State

- University) in the Study of Poorly Described Languages], Kibrik A. E. (ed.), *Malye yazyki i traditsii: sushchestvovanie na grani*. Is. 1: *Lingvisticheskie problemy sokhraneniya i dokumentatsii malykh yazykov* [Minor Languages and Traditions: Existence on the Brink. Is. 1: Linguistic Problems of Preservation and Documentation of Minor Languages]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2005, pp. 53–71. (In Russian).
- Kolodyuk I. V., *Narodna meditsina u traditsiyniy kulturi ukraïntsiiv Polissya (ostannya chvert XX — pochatok XXI stolittya)* [Folk Medicine in Traditional Culture of Polesie Ukrainians (Last Quarter of the 20th — Beginning of the 21st Century): Abstract diss. ... cand. hist. Kiev, 2005, 20 pp. (In Ukrainian).
- Kon I. S. (ed.), *Etnografiya detstva. Traditsionnye formy vospitaniya detey i podrostkov u narodov Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii* [Ethnography of Childhood. Traditional Forms of Raising Children and Adolescents of Peoples of Eastern and South-Eastern Asia]. Moscow: Nauka, 1983, 232 pp. (In Russian).
- Krivenko O. V., *Zamovlyannya yak folklorniy zhanr ta osoblivosti yogo literaturnoi retseptsii* [Incantations as a Folklore Genre and Features of Its Literary Reception]: Diss. ... cand. philol. / M. T. Rylsky Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology. Kiev, 2015, 193 pp. (In Ukrainian).
- Nadyarnykh M. F., Glukhova E. V. (eds.), *Mifologicheskie obrazy v literature i iskusstve* [Mythological Images in Literature and Art]. Moscow: Indrik, 2015, 384 pp., ill. (In Russian).
- Orlova G. A., ‘Sobiraya proekt. Ot sostavitelya razdela’ [Foreword to the Cluster: Assembling the Project], *Shagi/Steps*, 2016, vol. 2, no. 1, pp. 154–166. (In Russian).
- Ostroushko O. A., *Semantiko-sintaksichna struktura tekstiv ukraïnskikh zamovlyan* [Semantic-Syntactic Structure of Texts of Ukrainian Incantations]: Abstract diss. ... cand. philol. Dnipropetrovsk, 2002, 20 pp. (In Ukrainian).
- Ostroushko O. A., ‘Ukraïnski zamovlyannya-dialogi: struktura, semantika, funktsionuvannya’ [Ukrainian Incantations-Dialogues: Structure, Semantics, Functioning], *Filologichni studii: Naukoviy visnik Krivoriizkogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu* [Philological Studies: Scientific Bulletin of Kryvyi Rih State Pedagogical University]: A collection of articles. Kriviy Rih: Vidavnichiy dim, 2008, is. 2, pp. 54–59. (In Ukrainian).
- Pavlov O. D., *Zamovlyannya yak verbalna magiya* [Incantations as Verbal Magic]: Abstract diss. ... cand. philol. Kiev, 1999, 20 pp. (In Ukrainian).
- Perekhvalskaya E., Say S., ‘Ekspeditsii po OTiPLovskoy modeli: peterburgskaya traditsiya’ [Expeditions on the OTiPL Model: The St Petersburg Tradition], Plungyan V. A., Fedorova O. V. (eds.), *Zhizn kak ekspeditsiya* [Life as an Expedition]: A collection of articles to the 50th anniversary of the A. E. Kibrik and S. V. Kodzasov’s field linguistics school. Moscow: Buki-Vedi, 2017, vol. 2, pp. 954–967. (In Russian).
- Plungyan V. A., Fedorova O. V. (eds.), *Zhizn kak ekspeditsiya* [Life as an Expedition]: A collection of articles to the 50th anniversary of the A. E. Kibrik and S. V. Kodzasov’s field linguistics school. Moscow: Buki-Vedi, 2017, vols. 1–2, 1050 pp. (In Russian).

- Pozdeeva I. V., 'Kompleksnyye arkhograficheskie ekspeditsii. Tseli, metodika, printsipy organizatsii' [Complex Archeographic Expeditions. Aims, Methods, Principles of Organisation], *Istoriya SSSR*, 1978, no. 2, pp. 103–115. (In Russian).
- Revel N. (ed.), *Songs of Memory in Islands of Southeast Asia*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013, 320 pp.
- Safronov P., Bochaver A., Nisskaya A., Koroleva D., 'Together Apart: Field Notes as Artefacts of Collaborative Ethnography', *Ethnography and Education*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 109–121. doi: 10.1080/17457823.2019.1600154.
- Sichinava D. V., 'Obработка tekstov s grammaticheskoy razmetkoy: instruksiya razmetchika' [Grammar Text Processing: Marker Instruction], *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezultaty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2003–2005. Results and Prospects]. Moscow: Indrik, 2005, pp. 136–154. (In Russian).
- Solyar O. A., *Ukrainski narodni zamovlyannya: pitannya pokhodzhennya i poetiki* [Ukrainian Folk Incantations: Questions of Origin and Poetics]: Abstract diss. ... cand. philol. Lviv, 2005, 20 pp. (In Ukrainian).
- Stanyukovich M. V., 'Kogda muzhchiny-zhretsy obrashchayutsya k dukham-pomoshchnikam shamanok: epos, lyubovnaya magiya i natsionalnye vybory na Filippinakh' [When Male Priests Address the Ghosts Helping Women Shamans: The Epic, Love Magic and National Elections in the Philippines], *Shamanizm i inye traditsionnye verovaniya i praktiki* [Shamanism and Other Traditional Beliefs and Practices]: Proceedings of the International congress in memory of A. V. Anokhin, N. P. Dyrenkova, S. M. Shirokogorov. Moscow, June 7–12, 1999. 2001, vol. 5, pt. 3, pp. 177–192. (In Russian).
- Stanyukovich M. V. (ed., comp.), *Pilipinas muna! Filippiny prezhde vsego!* [Pilipinas muna! The Philippines Are a Priority!]. St Petersburg: MAE RAS, 2011, 683 pp. (In Russian).
- Stanyukovich M. V., 'Ideologizirovanny informant i "arkhivnyy yunoshka"-folklorist' [The Ideology-biased Informant and "Young Archival Folklore Researcher"], Arkhipova A. S., Rychkova N. N. (eds.), *Antropolog glazami informanta / Informant glazami antropologa* [The Anthropologist as Seen by the Informant / The Informant as Seen by the Anthropologist]. Moscow: Forum, 2015, pp. 38–58. (In Russian).
- Stanyukovich M. V., 'Polevye metody v ekspeditsiyakh na Filippiny: obshchiy yazyk i kak s nim borotsya' [Field Methods in the Philippine Expeditions: A Common Language and How to Fight It], Arkhipova A. S., Neklyudov S. Yu., Nikolaev D. S., Rychkova N. N. (comps.), *Metody i kontseptsii v folkloristike i kulturnoy antropologii (konets XX — nachalo XXI veka)* [Methods and Conceptions in Folklore Studies and Cultural Anthropology (Late 20th and Early 21st Century)]: Proceedings of the 16th International school and conference in Folklore Studies, Sociolinguistics and Cultural Anthropology. Moscow: RSUH, 2016, pp. 71–73. (In Russian).
- Stanyukovich M. V., "Swine Turn": A Review of Jon Henrik Ziegler Remme, Pigs and Persons in the Philippines. Human-Animal Entanglements in Ifugao Ritual. Lanham: Lexington Books, 2014, 161 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 38, pp. 229–251. (In Russian).

- Stanyukovich M. V. (ed., comp.), Kasatkina A. K. (ed.), *Betel, kava, kola, chat. Zhevatelynye stimulyatory v rituale i mifologii narodov mira* [Betel, Kava, Cola, Chat: Chewing Stimulants in Ritual and Mythology]. St Petersburg: MAE RAS, 2015, 344 pp. (In Russian).
- Temchenko A. I., *Ukrainiski likuvalni zamovlyannya: verbalno-aktsionalni universalii, simbolika ta semantika* [Ukrainian Healing Incantations: Verbal and Action Universals, Symbolism and Meaning]: Abstract diss. ... cand. hist. Kiev, 2003, 20 pp. (In Ukrainian).
- Toporkov A. L. (ed.), “*Vechnye*” *syuzhety i obrazy v literature i iskusstve russkogo modernizma* [“Eternal” Plots and Images in the Literature and Art of Russian Modernism]. Moscow: Indrik, 2015, 416 pp., ill. (In Russian).
- Toporkov A. L., ‘Folkloristika v mezhdistsiplinarnom dialoge’ [Folklore Studies in Interdisciplinary Dialogue], *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN, 2015* [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2015]. Moscow: Nauka, 2016, pp. 23–41. (In Russian).
- Toporkov A. L. (ed.), *Sisnieva legenda v folklornykh i rukopisnykh traditsiyakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoy Yevropy* [St Sisinnius’ Legend in Folklore and Written Traditions of the Near East, Balkans and Eastern Europe]. Moscow: Indrik, 2017, 855 pp., ill. (In Russian).
- Wasser J. D., Bresler L., ‘Working in the Interpretive Zone: Conceptualizing Collaboration in Qualitative Research Teams’, *Educational Researcher*, 1996, vol. 25, no. 5, pp. 5–15.
- Yurchak A., *Everything Was Forever until It Was No More. The Last Soviet Generation*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005, 352 pp.
- Zeitlyn D., ‘Anthropology in and of the Archives: Possible Futures and Contingent Pasts. Archives as Anthropological Surrogates’, *Annual Review of Anthropology*, 2012, vol. 41, pp. 461–480.